

Жениху Аннушки, трактористу Евгению Зинченко**, исполнилось восемнадцать лет, и в январе сорок пятого ему пришла повестка из военкомата. На войну. Вернулся он через два месяца. Поезд, в котором наскоро обученных молодых солдат направили в сторону фронта, был атакован бомбардировщиками немцев. Фашисты потеряли ещё не всю авиацию и отчаянно сопротивлялись, пытались уничтожить эшелоны с подкреплениями наступающим советским войскам. Осколком Евгению отсекло две фаланги указательного пальца на правой руке. Потеря невелика, но возникло бы подозрение на самострел, когда бы у новобранцев, в том числе у Евгения, было оружие. Вооружить парней должны были по прибытию в тылы назначенной армии. Рану Евгению обработали и... его демобилизовали по ранению.

— Отвиз Гитлеру палец, — пояснил в деревне Евгений своё участие в войне.

*Начало см.: Сибирь. 2015. № 3; 2017. № 1,6.

**Настоящие имена в повествовании даны только главному герою (с разрешения его сыновей) и его родственникам. Фамилии остальных действующих лиц вымышлены.

Председатель был рад возвращению в колхоз полноценного работника. Ещё больше радовалась Аннушка. Руководители машинно-тракторной станции возвращение солдата в коллектив приняли как должное. Работы по ремонту тракторов и комбайнов было невпроворот. Но хотя бы раз в неделю Евгений вырывался в деревню, чтобы помыться в бане и, главное, постоять у ворот с любимой.

— Тоби повезло, Нюра, — говорили Аннушке подруги. — Женя — гарний хлопец.

Дело, кажется, шло к свадьбе.

И у второй Ани, двоюродной сестры, дочери увезённого органами в тридцать восьмом году Василия Яценко, тоже намечалось такое событие: милиционер Пётр Шувакин, бывая в Богдановке, всё чаще находил заделье, чтобы увидеть Анну Васильевну. Так, по отчеству, он называл её при народе, пытаясь представить при встрече свой интерес к девушке некими важными вопросами.

Иван однажды завернул с ближнего от Кормиловки поля к Надежде, чтобы узнать её мнение о том, стоит ли Анне Васильевне давать согласие Шувакину стать его женой. Двоюродную сестру Иван любил, как и родных, и был озабочен, как сложится её судьба, если она будет хозяйкой — или слугой?! — у милиционера.

— Да нет, — успокоила его Надежда, — он не дурной. Помнишь, я тебе рассказывала, как мы с ним куроеда арестовали?

— Помню. Так то — уголовное дело, куда ему было деваться? Исполнял что положено.

Иван не мог бы объяснить, откуда появилось у него предубеждение против людей в милицейской форме. Может быть оттого, что они не побывали на фронте?

— А ещё было, — продолжила Надежда, — пошли мы с Волошихой, со старухой, соседкой моей, и ещё с двумя знакомыми, на поле — за колосками. Думали, что под вечер нас не заметят. Но подъехали на конях Петро с другим милиционером, отобрали у нас мешки и вытряхнули колоски на кучу с обмолоченным зерном. Отпустили нас. Пришла домой, а почти вся пшеничка, что собрала я, в мешке. Они, не знаю как второй, а Петро что делал? Брал мешок за углы так, что все колоски у него в руках оставались. Вроде тряхнул, а ничего не вытряхнул. Волошиха то же самое мне сказала, радовалась. Могли бы и арестовать.

— Ну, понял, — вздохнул с некоторым облегчением Иван, — Пётр не скурвился. Ты рекомендуешь.

— Конечно. Мужик в целости, здоровый, и платят хорошо, и паёк.

Через три дня после девятого мая, объявленного днём Победы, у Анастасии Мартыненко с Иваном Ивановичем был свой большой праздник: вернулась с завода Мария и приехала с фронтовым другом, вроде как мужем, вторая дочь, Дуся. Она, правда, объявила родителям:

— Я больше не Дуся, не зовите меня так. Я теперь по паспорту Рая.

Мать, ошарашенная таким заявлением, потом не называла её по имени, боясь ошибиться. Володька, брат, спросил:

— А чего ты от Дуськи отказалась?

— Не нравится мне! — отрезала сестра.

Сергей, пока не зарегистрированный её муж, с погонами старшего лейтенанта, с чёрными кудрями и орлиным взглядом, выглядел бравым молодцем среди потрёпанных военными годами женщин и двух Иванов — Мартыненко и Яценко.

Под стать ему только Дуся, теперь, Рая. На ней было шёлковое голубое платье

с яркой розой на груди, перехваченное пояском, лаковые туфельки — всё это лишь дополняло её изящные формы и писанные черты лица, на котором сияли большие зелёные глаза. Обрамление из пышных волос, падающих волнами на обнажённые плечи, вызывало не только у мужчин чувства восхищения и восторга.

Мария, старшая сестра, в красоте не уступала бы младшей, но старалась быть неприметной: жгуче-чёрные свои волосы, блестящие — как у родителей, зачёсывала гладко и заплетала в косу. Она освободилась, наконец, от рабочей одежды, втиснулась в платье из довоенных времён, но, стесняясь своей глухоты, оставалась скромной. Она слышала только, когда с ней разговаривали громко, да и то, наверное, больше читала по губам.

Тут были и две Анны, двоюродные сёстры, белокурые хохотушки восемнадцати лет от роду. Иван, глядя на них, дивился тому, как причудливо сложилась жизнь: Анны доводились тётками Марии и Дусе-Рае, а были младше их. Да и сам он, дядя для детей Анастасии, был лишь на год старше Марии.

Не приехала только Вера, занятая очередным бухгалтерским отчётом. Зато к концу ужина прибежал Евгений с кое-как отмытыми от мазута руками, и «зарулил» милиционер Пётр Шувакин.

Старший лейтенант Сергей поразил будущую тещу и остальных родственников с первых минут встречи. Когда он только появился во дворе Анастасии, первое, что увидел, — сороку на изгороди огорода, быстро вошёл в избу, извлёк из своего большого трофейного кейса малокалиберную винтовку, вернулся во двор, прицелился — щёлкнул выстрел — сорока покатила на землю.

Крылья и хвост Сергей прибил, с разрешения Анастасии, на стене между окнами. Хвост — вертикально, крылья, в нижней части хвоста, — с двух сторон. Получился не то пикирующий самолёт, не то отливающий изумрудом перевёрнутый крест.

Застолье получилось шумным и весёлым. Из спиртного — водка в двух поллитровках, одну из них выставил на стол Сергей, и брага, которую загодя приготовила Анастасия, — целую флягу.

Самогона у неё оказалось немного, за столом родственники Анастасии от неё же и узнали, что при попытке гнать зелье она чуть не погибла. Один раз только успела взять пробу, зашла другой раз в баньку, чтобы добавить дровишек и проверить, хорошо ли капает спирт в кастрюлю, как вдруг рвануло. Полетели горящие поленья, вылетели стёкла в баньке и в предбаннике, разлетелась вдрызг вся установка, баня вмиг заполнилась ошмётками браги и густым хмельным туманом. Анастасию Бог миловал, была она в ватнике, и прилетело ей на грудь лишь несколько бражных осадков. Лицо не пострадало. Она упала на пол — то ли от взрыва, то ли сработал инстинкт, — ползком выбралась из бани, которая, к счастью, не загорелась. Всю эту картину видели Иван Иванович и сыновья, Володька с Толькой.

— По-пластунски выползала, — пояснил, обычно молчаливый, Иван Иванович хохочущим гостям, сохраняя серьёзное выражение лица.

Теперь, когда испуг остался в прошлом, он подтрунивал над неудачливой самогонщицей.

Пили, хвалили:

— Хороша бражка, да мала чашка.

Анастасия подливала напиток желающим, не скупясь, и застолье всё более

оживлялось не только разговорами, но и песнями. Женщины запевали песни, которые проникли в душу за годы войны.

*Тёмная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звёзды мерцают.
В тёмную ночь ты, любимая, знаю, не спишь
И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь.*

Иван пел вместе со всеми, впервые с тех пор, как пел у Марийки, в сорок первом, и почувствовал с огорчением, что голос его подсел, утратил былую силу и красоту.

Ночевать Иван и обе Анны пошли к Надежде. А утром вернулись к старшей сестре, чтобы проводить Дусю-Раю с Сергеем на поезд. Сергей ехал служить на восток.

Иван Иванович к тому времени ушёл на работу — вместе с сыновьями, Володькой и Толькой. Володька уже работал с отцом, а Тольке осенью предстояло идти в первый класс.

Двенадцатилетний Володька помогал отцу на конюшне потому, что не ходил в школу. Исключили его за хулиганство. Баловался на перемене, носился по коридору, разбил нечаянно какую-то банку с водой и, спасаясь от директора, спрятался в раздевалке, за одеждой, в самом углу. Там было ведро с остатками извёстки на дне; чтобы оно не мешало ему стоять, он поднял двумя руками его над собой и затаил дыхание.

Георгия Константиновича ученики боялись как огня: у него усы, ёжик седых волос и курительная трубка — очень похож на вождя. Шалунов он наказывал строго, легонько постукивая согнутым пальцем по лбу, внушал тем самым правила хорошего поведения. Легонько, а всё равно было больно. Вторая рука, в которой угрожающе маячила трубка, вызывала неподдельный страх у самого отпетого хулигана.

Когда директор отдёрнул пальто, за которым скрывался Володька, у того дрогнули руки, ведро кувыркнулось и оказалось на голове Георгия Константиновича. Ёжик волос директора стал чисто белым, заодно «побелился» и костюм.

Володька из-под рук директора сбежал, но в школе, где было всего лишь два учебных класса, учительская комнатка и кабинет директора, спрятаться не было места. Учительница нашла его и доставила в директорский кабинет. Лоб Володькин не пострадал, но ему было приказано привести в школу мать, иначе его исключат из школы.

Всю эту историю рассказали гостям. Анастасия пояснила:

— Чего бы я пишла? Мы в школах не вчились, а не дурней других. Нехай робит.

Так Володька был исключён из школы на исходе обучения в четвёртом классе. В большую школу, деревянную, двухэтажную, где учились с пятого по десятый класс, ему уже ходить не пришлось. О чём он, было видно, совсем не жалел.

Сама Анастасия читать не умела, знала несколько букв и могла бы, при необходимости, поставить печатными буквами подпись, похожую на свою фамилию: МАР. Но числа знала, могла посчитать деньги, сдачу, например, в магазине, в уме, не на бумажке.

Володька большую часть времени проводил с отцом на конюшне. На молокозаводе было четыре лошади, этого вполне хватало, чтобы отвозить готовую продукцию к железной дороге на отправку государству.

Сергей уже был во дворе со своими вещами, ждал, хмурый, когда из дома выйдет Рая. В ответ на приветствие он буркнул что-то невнятное, кивнул головой, не меняя выражения лица. Иван с сёстрами вошёл в хату. Анастасия была с дочерьми, Марией и Дусей-Раей.

Младшая уже оделась в дорогу: шинель в талию, изящные хромовые сапожки. Она стояла перед матерью, прикрывала лицо низко надвинутой косынкой, но скрыть припухшую щёку и огромный синяк под глазом было невозможно.

— Доча, — просила-умоляла Анастасия Раю, — не едь с ним! Не едь — он дурной!

Но разве есть на свете дочь, которая в двадцать лет слушается мать? Рая отворачивала лицо в сторону и потихоньку двигалась к двери, обходя Ивана и сестёр.

— Что случилось, Настя? — спросил Иван сестру.

— Что? — Анастасия вытирала слёзы. — Побил дурак — приревновал.

— К кому?!

— Спроси его!

Иван с перекошенным от гнева лицом шагнул к двери, но обе Анны с двух сторон повисли на руках.

— Ваня, не трожь! Посадят.

— Ваня, у него наган!

Рая уже выскользнула во двор и быстро подошла к Сергею.

— Видишь? — сказала Аня, родная Иванова сестра. — Милые бранятся — только тешатся. Она ж любит!

Иван, унимая нервную дрожь в мускулах, остановился.

Сергей и Рая вышли на подсохшую после весенней распутицы проезжую часть дороги, разбитую тележными колёсами, комкастую от засохшей грязи, и зашагали, не оглядываясь, к вокзалу. Провожать их никто не пошёл.

Осенью, после уборки урожая, Иван уступил просьбам Маши съездить в совхоз к Вере, она приглашала. В Кормиловке, как обычно, завернули к Надежде — до поезда «Пятьсот-Весёлого» оставалось много времени.

В доме Маша развязала шаль, которой была укутана дочка, развернула пелёнки, заменила мокрую свежей и стала кормить Галю грудью. Витя подошёл и смотрел с изумлением на нежное личико ребёнка и на кормящую маму. Надежда с Иваном переглянулись и заулыбались.

В это время в дверь постучали, и дверь отворилась. Через порог переступила высокая тучная женщина.

— Здравствуйте, — сказала она, обводя взглядом присутствующих. — Надя, не даёшь мне соли?

— Не даёшь, — ответила Надежда.

Женщина опешила от такого решительного ответа, потопталась, собираясь вернуться к двери, но медлила уходить.

— Мотя, — сказала Надежда, — ты неправильно спрашиваешь. Если говоришь: «Не дашь?», то и не дадут. Надо говорить: «Дайте, пожалуйста». Погоди.

Надежда открыла шкафчик, отсыпала из банки в пустой спичечный коробок соли и подала просительнице.

Мотя глубоко вздохнула, приняла соль, посмотрела вопросительно на Надежду и произнесла:

— Пасиба.

— На здоровье.

Женщина вышла, Иван спросил:

— Это кто?

— Матрёна. Немка, эвакуированная. Вон та хата напротив, что в прошлом году слепили, — это семья Кипперт. Илья, муж её, конюхом в Заготзерно работает. Так-то немцы за линией живут, там у них подсобное хозяйство — коровы и телята. У Ильи было три девчонки, когда их сюда пригнали, две старшие уж в невесты годятся, а когда у него ещё две родились, погодки, то он сюда поселился.

«Ещё дочки родились, в войну?» Иван призадумался, но ничего не сказал.

— Павел письмо прислал, — сообщила, радостно сияя, Надежда. — Ему японец руку ножом царапнул, то ли кореец, то ли китаец операцию делал. А то Павел долго писать не мог. А я уж думала, что его, как дезертира, наказали.

— Чего?! — удивился Иван. — С какого перелеяку дезертир?

— Ох, — призналась Надежда, — таилась я. А ведь он, когда их на восток переправляли, был у меня. С поезда спрыгнул перед светофором, ночью, и заявился. Это когда было? Весной, ещё с немцами не кончили воевать, когда их на японцев повезли. Вот. Искупала я его, как тебя тогда, в корыте, и он пошёл свой эшелон догонять. Ушёл, и как сгинул — ни одного письма. Вот я и думала, что он своих не догнал, и его взяли под арест, как дезертира. У нас в кутузке сидел такой: выскочил из эшелона, когда поезд шёл на фронт, это ещё в сорок четвёртом, переночевал у жены, в Зотино, а его хватились искать, да и задержали на станции, когда мужик хотел на поезд сесть, что к фронту идёт. Зотино, ты знаешь, тринадцать километров от станции, потому, видать, долго ходил. Хватились солдата, а на месте нет. Да и Шувакин с ним был знаком, ещё раньше того, как этого мужика на военную службу взяли.

— Не он ли и задержал?

— Вот не скажу, не видела, кто бедолагу в милицию привёл.

— И что с ним было?

— А я знаю? В нашей милиции был три дня, дрова мне все переколол. Я начальника попросила, потому что берёзовые чурки, сучковатые, остались — сама не могла справиться, — начальник разрешил, под мою ответственность. Мужик этот здоровый, я с ним разговаривала, хороший. Ну вот, куда его потом определили, не знаю. И про Павлика я так же думала: задержали как дезертира, после того, что у меня погостевал четыре часа. Но, значит, догнал свою часть. Я тогда его спросила:

— Чего вас на восток отправляют, уж не с японцами ли воевать? А он мне отвечает: «Нам теперь хоть кто — хоть японцы, хоть американцы. Техника — сила, и командиры умные. Расшибём всех, если прикажут». Ну вот, Ваня, японцев побили, а его не отпускают, неуж ещё не всё? С американцами Сталин не будет воевать?

— Не скажу — тут я не спец. Как со скотиной и с навозом управляться — знаю, где у меня что посеяно и посажено — с закрытыми глазами покажу, а с кем ещё воевать надо — это не по моей части. Хотя... Дать бы и американцам по кумполу, но это же опять потери. Пора пожалеть наших солдат. Нет, не станет Сталин со штатниками скандалить — я так думаю.

— Дай Бог, — согласилась Надежда.

В Омске поезд останавливался на полчаса. Иван с женой решили выйти из душного вагона, прогуляться. Дежурные на вокзале внимательно смотрели за пассажирами, но той строгости, что была в сорок четвёртом, когда Иван возвращался из госпиталя, теперь не было.

Маша оказалась в городе первый раз. С дочкой на руках, старалась увидеть всё, что тут происходит: люди у касс толпятся, у киосков высматривают что-то, прибывшие с поездов выясняют у милиционеров, как уехать в нужную им часть города. Она застыла у витрины коммерческого магазина в изумлении, только что с неоткрытым ртом. Здесь было всё — промтовары и любые продукты, но по ценам, которые не укладывались в её хорошенькой голове: селёдка из бочки, от вида которой у Маши стало солоно во рту, стоила двести десять рублей килограмм. Таких денег у неё в руках ещё не бывало. «Это сколько же за одну штуку?» — ображала она.

Иван стоял позади жены и вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он глянул в ту сторону, откуда словно толкнули в спину: мужчина, смотревший на него, тотчас отвернулся и быстро направился к выходу из вокзала. Плотная невысокая фигура — в шляпе, в тёмно-шоколадном плаще, в руке портфель песочного цвета. Где-то Иван уже видел такой портфель... Ах, да, такой был у Бориса, попутчика в поезде, которого потом забрали бдительные органы. Лицо уходившего мужчины, хоть Иван увидел его только мельком, кого-то ему напоминало. «Бартев?! Не может быть! Он же был худой, а этот в теле. Хотя... худым то Михаил был в лагере... Как он оказался здесь?! Или не он?»

— Ты чего? — вывела Ивана из размышлений Маша. — Опять про войну думаешь? Пошли, а то поезд без нас уйдёт.

В поезде Маша спросила:

— Это что же за магазин такой?

— Какой? — у Ивана всё ещё перед глазами спина быстро уходящего Бартева.

— Написано: «Коммерческий». Кто за такие деньги может купить?

— А-а. Эти магазины ещё в прошлом году открыли, и в нашем райцентре буд-то есть. Чтобы спекулянтов перебить, такие же цены установили, как на рынках. Кто купит? Начальство всякое. Старшие офицеры, например, да их жёны и тещи. Герои: за сбитые самолёты, за танки уничтоженные им хорошие рубли платили.

Маша покосилась на ногу мужа, но больше ничего не спросила.

От пригорода Омска, на левом берегу Иртыша, до совхоза «Новоомский» иногда ходил грузовик ЗИС-5, который обыкновенно дожидался пассажиров с «Пятьсот-Весёлого». Так Вера объяснила, как добраться до своего совхоза. Пешком далеко: семнадцать километров.

В кузове машины три ряда скамеек. Водитель, улыбчивый фронтовик, увидев мужчину с женщиной и ребёнком, подошёл к Ивану:

— Вы из Богдановки?

— Мы. А ты как догадался?

— Вера, наш бухгалтер, меня предупредила. Давай жену с лялькой в кабину. Меня Григорием кличут.

— Иван, — Иван протянул новому знакомому руку для пожатия, отметив про себя: «Опять Григорий — это хорошо».

В доме у Веры стало известно, что фронтовик не просто совхозный шофёр, а муж, в недалёком будущем, Веры. У них уже всё решено.

Вера с работы пришла в сопровождении Григория. Тот извлёк из кармана шинели бутылку, пояснил:

— Это в деревне взял, которую проезжали. У нас тут строго насчёт самогонки, — и посмотрел на Веру, давая понять, что и она среди тех, кто делает «строго».

За ужином Вера спросила Ивана:

— Может, переедете к нам в совхоз? Мы-то государственные, зарплату каждый месяц выдаём. Триста пятьдесят, худо-бедно, будешь получать, а то и больше, смотря на какой работе.

— Ну, триста пятьдесят я тоже получил, и зерном тележку нагррузил, хлеб свой, а на рынке за деньги что сегодня купишь?

— Твои триста пятьдесят на «палочки» — это же за год. А у нас по карточкам можно всё купить, недорого. Нам в магазин регулярно дают продукты, иногда и промтовары можно на талоны взять. Да ведь и огороды у нас есть, я капусту и картошку сажаю. Огурчики солю. Гриша, скажи.

Григорий, слегка «закосевший» с выпитого, охотно кивнул.

— Село пойдём смотреть? — спросила Вера.

Вышли за калитку, Иван внимательно посмотрел на штaketник ограды — из лёгких необструганных палочек, перевёл взгляд на домик, на крышу. Домишко тоже некорыстный, как и оградка: набивной — жердочки и солома, обмазанные глиной, и крыша глиняная — мазанка, как и у Надежды в Кормиловке. Но там землянка — тёплая хата, а здесь домишко на ветру, зимой дров не напасёшься. Вера поняла его сомнения.

— В следующем году дома будем строить, это уже решено.

Пошли по улице — такая же, как в Ивановой деревне, дорога, по сторонам которой на пожухлой траве пасутся гуси.

— До Иртыша недалёко, — показала Вера в ту сторону рукой, — меньше километра.

Иван засмеялся:

— Из батиной хаты сколько шагов до воды? Забыла, что на Омке по утрам умывалась?

— Ладно, — согласилась сестра, — не хочешь под началом сестрёнки быть, так и скажи.

Иван посмотрел на Машу. Она внимательно слушала этот разговор.

— Подумаем, — сказал Иван, — до весны или до лета, когда дома строить начнёте. Сейчас-то где жить? В твоей избушке вам и двоим будет тесно.

Только когда вернулись в свою деревню, Маша спросила:

— Ты хочешь переехать к Вере?

— А ты? — вопросом на вопрос ответил Иван.

— Не знаю.

— Ну, вот, и я не знаю, что лучше. Поживём здесь пока, разберёмся.

Февраль сорок шестого оказался трудным для колхозников, даже труднее предыдущих лет, несмотря на то, что с войны вернулись некоторые мужики в рабочем состоянии. Но за годы войны поистратилось стадо коров, а планы по молоку и мясу надо было выполнять. Часть лошадей была взята государством для нужд армии, остальные, заезженные, не могли уже вытянуть весь объём сельхозработ. Тут, как назло, сломался трактор, который по разнарядке должен был обеспечивать снегозадержание на полях колхоза имени Жданова, а начальству МТС не удалось заполнить необходимые запасные части для его ремонта.

Снег с поля, подготовленного с осени для посева пшеницы, выдуло февральскими ветрами, и Иван не представлял, как можно вырастить хотя бы малый урожай на земле, где нет влаги. Впору запрягать лошадей и возить снег на поля из перелесков.

Однажды в конце марта, когда Иван пришёл домой на обед, вслед за ним в избу явились непрошенные гости. Пётр Шувакин, пряча глаза, пропустил вперёд ещё одного мужчину в форме НКВД.

Екатерина Никитична, мать Ивана, замерла на месте с тарелкой в руках, отец, лежавший на кровати, приподнялся и тоже замер.

— Иван Яковлевич? — удостоверился незнакомец.

Он был явно не из районной милиции. «Из Омска, скорей всего».

— Да, — мысли Ивана запрыгали по событиям последних дней, но ничего в них преступного не находилось.

— Собирайтесь, поедете с нами.

— А в чём дело?

— Дело объясним в надлежащем месте.

Заплакала Галя, испугавшись громких незнакомых голосов. Маша взяла её на руки, смотрела расширенными глазами на Ивана.

Обедать не пришлось.

У ворот Иван увидел лошадь, запряжённую в сани, и вспомнил март сорок первого. Тогда, так же по мокрому снегу, только на колхозной повозке, уезжал он по призыву в армию. А что теперь?

Шувакин, вздыхая и виновато поглядывая на Ивана, сел за ямщика, Иван с сопровождающим — сзади в кошеве, и сытая милицейская лошадка ходко пошла по улице, потом, за деревней, на взгорок.

— Я арестован? — спросил Иван, когда они уже отъехали от деревни примерно на километр.

Энкавэдэшник помолчал, подумал:

— Считай, что так.

Больше дорогой не разговаривали.

Нади в милиции, как обычно в это время, не было.

К начальнику в кабинет зашёл сопровождавший Ивана приезжий милиционер, Шувакин остался с арестованным в коридоре.

— И чего? — спросил Иван Петра.

— Бумага на тебя пришла, что ты служил у Власова.

— Я?! У Власова? Дурь. Кто написал?

Пётр пожал плечами. В это время из кабинета вышли милиционер и майор, который некоторое время внимательно и с сожалением смотрел на Ивана, и тот догадался, что начальник знает о том, что Надежда — его сестра.

Майор перевёл взгляд на Петра.

— Позови Мирончука.

Явился Мирончук.

— Вот вам охранник, — сказал майор омичу.

На вокзал они шли втроём, уступая друг другу дорогу на скользких местах: хромающий Иван и два милиционера, и со стороны не понять, что ведут арестованного. Время было рассчитано точно: через пять минут после того, как они пришли на перрон, мимо, сбавляя ход, продымил паровоз, и состав, погремев сцеплениями, замер.

В Омске у вокзала Ивана с сопровождающими ждал «воронок», специальный автомобиль для перевозки арестованных.

В СИЗО, в следственном изоляторе, Иван оказался в небольшой камере — на четверых. Лязгнула за спиной окованная жестью дверь, и в полумраке угасающего дня — свет падал из небольшого зарешёченного оконца под потолком — Иван разглядел трёх узников и нары — слева и справа — в два этажа. Он не сразу двинулся от двери, стараясь привыкнуть к сумраку, и не поспешил, когда услышал насмешливый голос:

— Прошу к нашему шалашу.

Голос принадлежал мужчине средних лет. Когда Иван пригляделся, то мужик показался Ивану очень похожим на того пленного, который отнял у них с Семёном ботинки в немецком лагере. Но нет, этот «фрукт», конечно, из другой корзины.

Два других сокамерника молоды, лет по восемнадцати, а может, и моложе. Они явно были под влиянием старшего, и посматривали на него, ожидая, как он поведёт себя в отношении новичка.

— О! — сказал старший сиделец, увидев, что Иван сильно припадает на укуренную ногу. — Защитник родины в нашу компанию. Прошу, — и подвинулся на нарах.

Иван молча сел на освобождённое место. После недолгой паузы мужчина спросил, уже без насмешки:

— За что тебя?

— Ни за что, — помедлив, ответил Иван.

— И мы за просто так сидим, — не удержался, съехидничал сосед, — верно, парни? Ну, ничего, нам не привыкать.

«Воры, — понял Иван, о «специализации» сокамерников он уже начал догадываться. — «Хорошая» компания».

— Митяй, — представился старший Ивану, — кликуху тебе пока знать не надо.

«Мне «кликуха», наверняка, будет «хромой». Странно, меня с ворами разместили».

Иван думал, что политических, дезертиров и подозреваемых в предательстве между собой и с уголовниками не перемешивают.

Митяй распорядился перед сном:

— Малыш, освободи место инвалиду.

Парень, здоровый пухлый увалень, прозванный, видимо в насмешку, Малышом, послушно перебрался на верхние нары.

Ужин прошёл до прибытия Ивана в СИЗО, и никто здесь не озаботился тем, что новый подследственный будет спать голодный.

А вот на ночь к тюфяку Иван получил подушку, две простыни, суконное одеяло и полотенце. И даже отдельная тумбочка для личных вещей была каждому арестанту, но у Ивана с собой ничего не оказалось. Где-то на заднем плане сознания у него скользнула мысль, что тут не то, что у немцев в плену, есть какая-то забота о человеке.

В шесть часов утра раздался резкий продолжительный звонок — побудка. Но Иван уже не спал — проснулся раньше, по деревенской привычке вставать рано. Лежал смотрел на серый от времени плафон под потолком, прикрытый густой сеткой, — в плафоне всю ночь горела лампочка, тусклый свет из которой едва пробивался в камеру. Лежал, думал: «Кто мне такую подлость мог устроить?»

— Подъём!

Распорядок в СИЗО строгий, не хуже, чем было в армии: после подъёма — зарядка(!) под команды из радио, умывание, завтрак. Во время прогулки — проверка в камерах, при возвращении — шмон одежды и карманов, не ухитрился ли подследственный прихватить с собой запрещённые предметы.

Вскоре после прогулки загремела и приоткрылась дверь камеры и послышалось:

— Ященко! На выход!

— Нормально — Ященко, — услышал Иван за спиной удивлённый голос Митяя.

— Рассказывай, — следователь, облокотившись на стол и подперев ладонью чисто выбритый подбородок, с некоторой брезгливостью смотрел на Ивана.

— Что рассказывать? — Иван тоже разглядывал вершителя его судьбы, пытался определить: воевал он или нет?

Китель следователя висел у того за спиной, на гимнастёрке никаких воинских символов не находилось. В каком он звании — не понять. «Не был на фронте, — по каким-то неясным для самого себя признакам решил Иван, — что ему там делать? Плохи мои дела».

Он ещё в камере думал о том, с кем ему придётся иметь дело? Думал и о том, как могут повернуться события теперь, с переменами во всех органах власти. В деревне знали, что с недавних пор вместо Наркомата Внутренних Дел теперь Министерство, но поскольку колхозов это, казалось, не затрагивало, то и обсуждать, считали деревенские жители, тут нечего.

— За сколько продался фашистам? Почему воевал против своего народа? Сколько погубил наших людей? И так далее.

— С чего вы взяли?

— Вопросы задаю я.

— Не знаю, что на них отвечать. Это вопросы не ко мне. Не продавался, не воевал против своих, наших не губил. И так далее, — Иван не удержался и повторил фразу следователя.

Следователь откинулся на спинку стула, побарабанил пальцами по столу, потом взял лежавший на краю стола лист бумаги. «Лист вырван из школьной тетради, — машинально отметил себе Иван, — а у нас, даже в райцентре, тетрадку не купишь».

— Вот тут написано, что вы сдались в плен в первый же день войны, в плену находились недолго, служили в карательных фашистских формированиях, затем вступили в армию предателя Власова и упорно сражались против Красной Армии.

— Бред. Больше мне нечего сказать.

— Вы отказываетесь давать показания?

Иван молчал, думал о том, кто же мог накатать на него «телегу». Ничего в голове не складывалось: деревенские не могли знать, что в плен его взяли в первый же день. «Тот мужчина, что видел на вокзале, всё-таки, Бартев? И с его подачи загребли? Но Бартев не должен знать, где я живу». Попытался вспомнить, упоминал ли когда в присутствии Бартева свою Богдановку, но память о минувших днях поистерлась последующими событиями.

Следователь выждал минуту, сказал:

— Как говорится, молчание — знак согласия. Так и запишем.

«От него просто так не отвяжешься», — явилась тоскливая мысль Ивану, но вместе с ней определилась и линия обороны.

— С Власовым я не знаком, не знаю, кто он такой. А вся моя... это: как и что было — выяснял лейтенант СМЕРШа.

— Где? Когда? Как фамилия смершевца?

— В госпитале. Фамилию он мне не докладывал.

Следователь навалился грудью на стол, сверля глазами Ивана, произнёс чётко, словно гвозди вколачивая в мозг:

— Про СМЕРШ ты мне тюльку не гони: СМЕРШ расформирован ещё в сорок четвёртом году. Думаешь, что концов не найдём?

— Я в госпитале был в декабре сорок третьего.

— Угу, — следователь что-то записал на чистом листе бумаги. — Что ещё?

— Ничего.

— Опять «ничего»?

— В плену был, бежал, воевал в партизанском отряде, где получил ранение. Демобилизован по ранению. Всё.

— Ладно, проверим, — следователь поднял голову от бумаги, громко позвал: — Семенюк!

Дверь сразу отворилась, словно этот Семенюк ждал вызова, он шагнул в кабинет, бросил взгляд на начальника, потом на Ивана.

— Уводи, — теперь негромко приказал следователь.

— Руки за спину, — скомандовал Семенюк.

В камере Ивана ждала неожиданная встреча. Захлопнулась за спиной дверь, проскрежетал ключ в замке, он секунду помедлил, привыкая к полумраку помещения, и шагнул — левой ногой, как приучен был в армии. В это время сидевший на нарах вор по имени Санёк, подставил ему ногу. Под правую. Но короткая правая нога прошла над препятствием, едва коснувшись его. Иван только качнулся вперёд, но не упал. Мгновенно сработал инстинкт защиты — Иван отмахнулся, не глядя, резко ударил ребром ладони по шее вора. Тот издал хрюкающий звук и повалился, уронив с грохотом тумбочку.

А в это время над Иваном взметнулся молот в виде сложенных в один кулак ладоней Малыша. Когда бы удар пришёлся по темени, вряд ли поднялся Иван, даже если бы остался жив. Но Иван откачнулся, ступив на пол укороченной правой ногой, и кулак лишь скользнул по левой стороне головы, попал в левое плечо. Иван выбросил вперёд ладонь со сжатыми пальцами, ниже подбородка, в горло — глаза Малыша на миг остановились и схлопнулись. Он повалился, словно куль, под ноги стоявшему за ним Митяю.

Тот, очевидно, зачинщик нападения, не ожидал такого поворота событий. Туша Малыша разделяла Ивана и Митяя. В это время на грохот в камере явилась охрана: дверь открылась, и милиционер со связкой ключей в руке возник у порога. Огромный ключ угрожающим шипом торчал у него между пальцами. Тут же за ним появился и второй охранник, со шваброй. Этот инвентарь использовался ими в экстренных случаях

— Что происходит?!

Иван, повернулся к ним, но не знал, что ответить.

— Это... Вот он запнулся, — показал Митяй на лежащего Малыша, — и-и неудачно упал.

— И второй запнулся?! — у ног милиционера поднимался, покачиваясь, словно пьяный, Санёк. — А ну — на выход!

— Я? — Митяй оглянулся, будто за ним мог быть кто-то ещё.

— Быстро! Руки за спину!

Митяй вышел.

— К стене!

А Иван с чувством облегчения увидел, что Малыш оклемался и медленно поднимается на ноги.

«Слава Богу, живой!» Казалось, что забыл Иван, чему учили в армии и какие приёмы потом показывали друг другу партизаны, но в критический миг руки и мозг сработали так, будто он всю жизнь только тем и занимался, что отрабатывал смертельные удары. В госпитале Иван сказал подполковнику, что боксом не занимался, а про другие приёмы боя скромно умолчал.

Милиционер с ключами помедлил, наблюдая, как вставал Малыш, и захлопнул дверь.

— Вы какого хрена?.. — Иван придвинулся к Саньку. Тот отшатнулся.

— Я... Мы... Митяй сказал, что надо замочить... Ну, Бандеровца, мол. И-и... повесить. Сказать, значит, что сам у-удавился.

— Бандеровца?! Кто вам сказал?

— Ну, он сказал, что фамилия Ященко. Это, значит, с Украины поймали, Бандеровца. Они, сказал он, наших убивали.

— Вот гад! — Иван сел на нары. Левая рука от удара Малышом немела. «Чуть ключицу не сломал, сучонок!» Огляделся: «На чём собирались повесить?» Брючные ремни, как это положено, у всех забрали. И тут только увидел, что одеяло его постели откинута к стене, а от простыни оторвано длинная полоса.

Митяя привели в камеру через час, он забрал из тумбочки свои вещи, и его увели.

В тот же день в камеру на освободившееся место поселился арестованный кореец.

За время войны в Кормиловский район прислали не только немцев, калмыков, латышей и эстонцев, но теперь вот и корейцы появились. На улице Боровой, на которой жила Надежда, русская вдова, с тремя детьми, приняла в мужья корейца и уже обзавелась животом. О чём Иван знал от сестры. По какому делу попал в СИЗО этот вот черноволосый парень, узнать было трудно: с русским языком у него полные нелады.

Надежда узнала, когда пришла после обеда на работу, что Ивана арестовали и увезли в город, в тот же день. Наскоро убралась в помещениях и поспешила домой. Написала Вере письмо и немедленно отнесла на почту. Сообщила сестре всё, что произошло с братом, и просила разузнать, куда поместили Ивана, чтобы можно было попытаться помочь ему избавиться от новой напасти. Надя, как и все её родственники, полагала, что бухгалтер совхоза — это большой начальник. Ну, если и не начальник, то человек грамотный, и к тому же ей до города ближе, она может в один день съездить и узнать, где упрятали Ивана, возможно, и свидеться ей дадут.

Вечером поворожила на картах — на бубнового короля. Выпало, что он в «казённом доме». Ну, да, в казённом. Дальней дороги карты не предвещали. Это немного обнадеживало, но по своему дому его ждал «удар». Подумала об отце: «Тятя болеет, а тут такое несчастье». Дядю Василия, брата отца, как забрали в тридцать восьмом, так и не слышно о нём до сих пор. А теперь вот сына по чьёму-то навету увезли.

В милиции, управившись поутру с печами и помыв полы, постучала в дверь к начальнику.

— Войдите!

Вошла:

— Валерий Александрович! Разрешите мне после обеда отлучиться. Хочу в Богдановку сходить.

Начальник поднял голову от стола, мгновение смотрел на уборщицу, оценил ситуацию, кивнул:

— Хорошо, — и снова уткнулся в бумаги.

Печи, с наступлением более тёплых дней, Надежда топила один раз в сутки, а затопанные полы коридора на этот раз вымоет под присмотром милиционера нашкодивший в посёлке мелкий хулиган.

Пять километров до Богдановки показались Надежде пыткой: разъезженные санями колеи были заполнены снежной кашей, под ногами, обутыми в валенки с калошами, хлюпала вода, и в то же время под ступни попадали ещё не оттаявшие заледенелые конские катыши. Она иногда оглядывалась, когда ей казалось, что следом за ней кто-то едет, но никого не было — в этот мартовский день все были при делах.

Яков Мартынович был во дворе. Несмотря на недомогание, он не оставлял свои прежние занятия: ухаживал за скотиной, прибирался в ограде, проверял дорожку к воде — не осыпались ли ступеньки к реке. Увидев Надежду, просветлел лицом, приобнял:

— Пишли в хату.

Мачеха встрепенулась, увидев падчерицу, ответила на приветствие, кивая головой:

— Здоровеньки, здоровеньки.

Запоздалое раскаяние за все те детские годы, когда Катерина гнобила Надю, почудилось Надежде в этом её приветствии и — ожидание обнадёживающей вести.

И Маша устремила встревоженный взгляд навстречу Надежде.

«А что сказать, чем порадовать?»

— Тятя, и ты, Маша, не убивайтесь: Ваня не виноватый, его отпустят. Я Вере письмо отправила, она до следователя съездит. Вот.

Никто не промолвил слова.

— Я пришла посмотреть, как вы живёте, давно не была.

— Живэм, — отец почувствовал неловкость дочери, выпрямился: — Я надясь корчагу вытянув — рыбки дать?

Плетёную корчагу из ивовых веток, ловушку, — её ещё мордой называют, Яков Мартынович опускает в реку с вечера, проверяет утром. Пескарей в неё набивается на добрую уху, заплывают чебачки, и даже небольшие окуньки соблазняются на приманку из загирухи — теста из отрубей.

«Отец делает во льду прорубь и ловит?!»

Надежда представляет, сколько это трудов и как это опасно теперь, когда мартовский лёд становится рыхлым. Взять рыбу, значит, отправить отца на следующую рыбалку.

— А в чо я её визьму? У мэне ниякой тары нема, — развела руками Надежда.

Стали искать, во что положить уже почищенную Катериной рыбу. Освободили из-под сыворотки бидончик, вздохнули облегчённо:

— Після принесэшъ.

Эта суета неожиданно непонятным образом внесла облегчение в мысли: не должен пострадать невинно Иван.

Прошла неделя, другая. Апрель растопил снега, ручьями унесло мутные воды, лес начал оживать, кое-где на солнцепёке появилась зелёная травка, а об Иване не было вестей.

Но однажды почтальонка принесла от Веры письмо. Надежда дрожащими руками распечатала его. Вера сообщала, что в городе побывала, нашла тюрьму, где томится Иван, но свидания с ним ей не дали. А передачу взяли — значит, живой и никуда не убыл.

Какие продукты передала Ивану, Вера написать не догадалась. Зато сообщила, что следователя повидала. Тот ей не сказал, как обстоит дело с Иваном, велел ждать, следствие, мол, не закончилось.

Миновал апрель. В первых числах мая в дом Надежды заявила мать Павла, Евдинья Матвеевна. Она почему-то решила, что старшего сына отпустят домой ко дню победы. Младший, Николай, вот уже почти год как вернулся с войны и подругу в дом привёл, женился, можно сказать. Ждала она, что вот-вот и муж её, Яков Гаврилович, оставит работу на заводе, куда его мобилизовали ещё в сорок втором году. Прежде чем ехать в свою деревню, он наверняка прибудет к невестке — помыться, отдохнуть. Он даже письмо однажды Матвеевне прислал, надеялся, что скоро в работе наступит послабление. Читать и писать старики умели — были обучены в годы ликвидации безграмотности, хотя поначалу противились учению.

Евдинья Матвеевна знала, что Яков Гаврилович несколько раз за время войны сбегал с завода — искали его у неё, в родной деревне, а он прятался у Надежды. Побыв у невестки дня три-четыре, оклемавшись, он возвращался к станку. Отлучка сходил к нему с рук: начальство видело, что человек вернулся на трудовую вахту вполне пригодным к работе. Здесь он был нужнее заводу, чем если бы находился в тюрьме или в колонии.

Евдинья Матвеевна впервые услышала радио в доме у Надежды. Этот чёрный картонный круг, с такой же чёрной коробочкой посредине, из которой шёл человеческий голос и звучала музыка, сильно удивил её.

— Что это? — спросила невестку.

— Радиво, — ответила Надежда. — Линию на нашу улицу провели, вот и я себе купила. По нему всё говорят, что где происходит. Новости передают и песни.

Пожилая женщина подумала и согласилась, что это хорошо, когда не надо по посёлку ходить, чтобы узнать новости.

— Вот до чего у вас тут наука дошла! — восхитилась она. — Если б ещё сказали, когда Паша домой прибудет, я бы им сильно благодарна была, в ноги бы поклонилась.

— Ну да, — засмеялась Надежда.

На утро следующего дня, как только радио заговорило, свекровь на приветствие диктора ответила:

— Спасибо. И вам желаю здоровья, доброго дня.

Надежда услышала, что Евдинья Матвеевна обращается к приёмнику как к живому человеку, удивилась, но промолчала. Когда же на второе и на третье утро свекровь продолжала отвечать на приветствие из студии, то не выдержала и решила сказать:

— Мама, вы зачем отвечаете? Они ведь вас не слышат.

— Почто не слышат? — возразила свекровь. — Так не может быть. Я же их слышу, значит, и они меня тоже.

Позже, когда уяснила, что такое радио, Евдинья Матвеевна долго смеялась, качая головой:

— Вот деревня, а?

Вера прислала Надежде второе письмо, сообщала, что управилась с огородом и снова побывала в Омске у следователя. Тот опять отговорился, что идёт следствие, значит, отпустить Ивана нельзя.

«Сколько можно?» Надежда решила поехать к Вере, узнать всё подробнее и с её помощью, как-то повлиять на ход событий. Она тоже, вместе со свекровью, посадила картошку, и у неё было теперь с кем оставить сына. В детский сад Витя не ходил, туда принимали только ребяташек работников Заготзерно.

— С Иваном свидания не получилось, — пожаловалась Вера, — а следователь какой-то склизкий, глаза в сторону отводит.

— Я уже об этом думала, — сказала Надежда. — Бросила на картах: будто денежный интерес просматривается. Надо, наверное, ему дать? Я вот накопила двести пятьдесят. Добавь, сколько сможешь, и отвези ему.

— Да ты что?! — испугалась сестра. — Я не могу. Я же партийная!

Они замолчали, глядя друг на друга и размышляя о том, какие могут быть последствия, если следователь не примет взятку.

— Тогда давай я дам, — решила Надежда. — Только ты меня проводи, и если арестуют, то чтоб знала. И Витю тогда к себе забери, пока Павел не вернётся.

До тысячи рублей не дотянули: Вера приложила к Надиным деньгам свою зарплату, что оставалось от получки, и зарплату Григория, получилось девятьсот шестьдесят пять рублей. Округлили до девятисот пятидесяти и вложили в конверт, купленный на почте. Конверт Надежда спрятала в карман, специально пришитый ею на внутренней стороне кофты.

Пока Надежда ждала у дверей в кабинет следователя, Вера ходила по улице, не удаляясь от крыльца, потом обнаружила скамейку под деревьями, села там, но долго находиться на одном месте не смогла, стала снова ходить, не выдержала, наконец, зашла в здание. Надежды в коридоре не было.

Она в это время сидела перед столом следователя и едва не теряла сознание от мысли, что надо положить на стол деньги. Пуговица на кофточке в нужном месте была расстёгнута у неё заранее.

Он, между тем, смотрел на неё внимательно, ожидая услышать что-то ещё к тому, что она сказала о невиновности брата Ивана. Видя, что просительница побледнела и вот-вот потеряет сознание, он взял стакан, налил из графина воды. В момент, когда он отвлёкся, Надежда решила — быстрым движением извлекла конверт из кармана и сунула его под папку с бумагами на столе, но так, что край конверта был виден.

Следователь поставил перед Надеждой стакан и одновременно другой рукой чуть подвинул папку. Конверт исчез из виду.

— Так, — сказал он, — посмотрим, что нам пришло по вашему брату.

Пока она пила воду, он сделал вид, что читает какую-то бумагу, вздохнул, будто с облегчением:

— Ну, вот, вы зря волновались. Брат ваш действительно был партизаном, но воевал на стороне фашистов. Подождите в коридоре.

Надежда на ватных ногах вышла из кабинета. Вера по её лицу сразу поняла: следовательно деньги принял.

Не прошло и полчаса, как привели Ивана. Сёстры бросились было к нему, но милиционер, сопровождавший Ивана, резко осадил их. Иван шёл с руками, заложенными за спину, но в этот момент одну руку приподнял, успокаивая: «Я в порядке».

Он всё ещё был в валенках и парился в той телогрейке, в которой был, когда его арестовали два месяца назад.

О том, что Надя дала взятку следователю, сёстры Ивану не сказали, не сказали и никому другому. Только спустя много лет после смерти Ивана Надежда расскажет своему взрослому сыну про своё преступление перед законом.

Дома, в Богдановке, Ивана встретили отец и мать, Анна была на ферме.

— А где Маша? — спросил Иван, пройдя в переднюю половину избы и не увидев там ни жены, ни дочери.

Родители молчали, смотрели друг на друга, надеясь, что другой будет держать ответ. Но так ничего и не сказали.

— Что? Ушла? — не поверил собственной догадке Иван.

Отец кивнул и вышел из дома во двор.

Вскоре вернулась со скотного двора сестра и на вопросы брата объяснила:

— Машка твоя больше не твоя. Сказала, что с власовцем жить не будет и дня.

Ушла сразу, как только узнала, в чём тебя обвиняют.

— Куда ушла, к родителям?

— Не, то ли в район, а то ли аж в город уехала.

Иван вышел из хаты, сел под ивой на берегу реки, там, где прятался в детстве от обид. Сидел до темноты, и за полночь, следил за тем, как покачивает речная волна звёздные искры и лунный серп, похожий на кривой кинжал, перебирал в памяти всю свою жизнь — от первых детских впечатлений до последнего дня — и думал о том, что ненадёжная оказалась у него жена, и возвращать её не следует. И пусть дочка, пока маленькая, не знает родного отца и, возможно, будет называть папой другого мужчину, если Маша найдёт себе нового мужа.

Неоднократно возвращался мыслями к той мимолётной встрече на вокзале, что так беспощадно повернула его судьбу: «Всё-таки то был Бартев? Побоялся, что я его сдам, и решил упредить?» О бывшем однополчанине, который стал пособником фашистов в немецком лагере, Иван следователю не сказал — опасался, что тот начнёт раскручивать дело по новому кругу, а там и припаяет пособничество врагам.

Родители его не тревожили — место, где приглушал своё горе сын, было известно им с давних пор.

Надежда сходила за линию железной дороги, чтобы найти хвороста для топки печи. В одном из колков обнаружила место, где были спилены берёзы на дрова, и ветки, уже высохшие, были аккуратно сложены в кучи, а не разбросаны как попало, когда лес воруют. Сообщила о находке сестре Анастасии, и они собрались в лес. Анастасия попросила у соседа телегу, в неё впрягли корову Надежды и поутру отправились за топливом.

К полудню с нагруженной до верха телегой вернулись к переезду через «железку», переждали проходящий поезд и, помогая корове вытянуть воз на подъём, выкатили на первую линию. А когда самую трудную часть пути осилили и корова уже ступила на землю со второго пути, переднее колесо от удара о рельсу развалилось, телега застряла, полностью перегородив линию. Сёстры испуганно переглянулись и кинулись к месту поломки. Мешкать было нельзя: поезда по Сибирской магистрали шли густо, с интервалом в пять минут, как правило... Авария на железной дороге — это тюрьма! Сёстры в этом нисколько не сомневались.

Они попытались приподнять передок телеги, ухватившись за него вдвоём, но конец оси колеса оказался под головкой рельса, и тут даже два мужика такую тяжесть не смогли бы осилить.

Сигнал светофора перед входом на территорию станции с красного сменился на жёлтый.

— Назад! Давай назад!

Попытались хоть чуть-чуть сдвинуть телегу назад, но у коровы такого понятия не было: под крики женщин она потянула воз вперёд. Дернула и остановилась. Надежда забежала перед ней, упёрлась одной рукой в дугу, другой рукой ухватилась за рог животного и стала толкать.

— Давай, Милка, давай назад!

Корова попятилась.

Анастасия навалилась на телегу. Чуть-чуть только сдвинули воз, но этого хватило — ось щёлкнула и вышла из-под рельса. Тогда обе женщины, упираясь плечами в край телеги, немислимым для себя усилием приподняли ось выше рельса, и под понукание хозяйки несчастное животное вытянуло воз с путей. Успели убрать с рельса и поломанное колесо. Уже горел зелёный свет светофора.

Протащив телегу несколько метров с бороздящей по земле осью, корова остановилась.

— У-у-у!! — просигналив, промчался к станции грузовой поезд.

— Чо, будем сгружать? Надсадится твоя Мила, — сказала, отдышавшись, Анастасия. — Спортим корову.

— Колесо у меня есть, — Надежда ещё раз оглянулась на переезд. — Пойду за ним.

— Откуда колесо?

— Павел перед войной хотел телегу сделать, да успел только матерьял заготовить и одно колесо собрать.

Евдинья Матвеевна с Витей ждали Надежду во дворе. Старуха волновалась, что невестки долго нет, беспокоилась, не задержал ли сестёр объездчик. Увидев Надежду без коровы и телеги, запереживала ещё больше:

— Надя, где корова?

— А! — Надежда махнула рукой. — Ступица колеса развалилась.

— Господи! И что теперь?

— Есть у меня. Только как донесу? Тяжеленное.

Нашла обломок черена от граблей, вставила эту палку в отверстие колеса, взвалила его на плечо. Пошла вдоль плетня, а тропинка к дороге — на подъём, небольшой, который раньше и не замечала, а тут сразу стала задыхаться от натуги. И вдруг, когда не отошла и полсотни шагов от своей калитки, впереди возникла фигура военного. На фоне синего неба он казался очень большим и стройным. Сердце ёкнуло: «Павел?!» Сбросила колесо наземь. Тут они и встретились.

Когда поезд, с теплушками для демобилизованных солдат и платформами со строительными материалами сбавил ход перед светофором, то Павел спрыгнул под откос, благо, что из вещей у него был лишь небольшой заплечный мешок.

— Вот, — сказала Надежда мужу, — сломалась у нас телега с чашёй, колесо сломалось. Настенька ждёт у переезда. Бери, а то оно пуд, наверное, весит.

— Да? Видел мельком, что женщина с телегой у переезда, а Настеньку не признал, смотрел за семафором.

Павел оглянулся в сторону дома. Там мать стояла, приложив ладонь козырьком к глазам, глядела в их сторону. А Витя жался к её ноге. Павел махнул им рукой, снял со спины свою котомку, поднял её над головой, потом опустил на землю. Мать поняла, что надо забрать сыновье добро, и вместе с внуком заторопилась за вещами.

А Павел взвалил колесо на плечо и, сопровождаемый женой, зашагал по пыльной дороге. Жарко. Солнце в зените, и в зените, почти невидимые, трепещут, взмывая вверх и падая, и вновь взмывая, два жаворонка, соревнуясь в ликующем пении. Из-под ног брызжут в стороны кузнечики и стрекохут, тоже радуются жизни.

Началась мирная жизнь, от которой Павел был отлучён войной на пять лет.

В ближайшее воскресенье, после того как прибыл Павел домой, к Ивановым собрались почти все родственники, что жили в Кормиловке и в Богдановке. Только Вера из своего совхоза не выбралась. Не могли Надиному счастьем порадоваться вместе со всеми и старики Ященко. Отец был слаб, а Екатерине Никитичне падчерица оставалась чужой, как было в детстве.

Надежда готовилась к встрече задолго до этого дня. Завела брагу, накопила яиц; в магазине, что был при водочном заводе, каждый месяц выкупала по талонам водку, а накануне зарубила трёх молодых петушков и курицу, которая не неслась. В погребе у неё сохранились, ещё с прошлой осени, солёные капуста и огурцы. Про картошку и говорить нечего: натушила в печке с мясом, которое по такому случаю принесла Аня. В колхозе у них ввиду предстоящей бескормицы забили досрочно нескольких бычков и яловую корову. Сдали — «на план», но остатки мяса распределили среди тех, кто работал на ферме. Анне достался весомый кусок — как лучшей доярке. Она же принесла полный бидон уже очищенных пескарей и чебачков. Отец, несмотря на хворь, сплёл несколько новых ивовых корчаг, а Иван ставил эти ловушки на ночь.

Готовить на стол Надежде помогали обе Анны, теперь уже замужние женщины. Евгений Зинченко добился согласия Анны Яковлевны стать его женой и увёл её в свою хату. А двоюродная сестра перебралась в Кормиловку и стала хозяйкой в доме у милиционера Петра Шувакина.

Столы вынесли во двор. Павел соорудил лавки из досок, которые были заготовлены ещё до войны и которые жена сохранила в целости до его приезда. Над столами от солнца натянули две простыни. Мужики поснимали рубахи, женщины были в лёгких платьях, купленных в тридцать девятом году, тогда в магазинах появилось всё, и копейка какая-никакая тогда завелась. Смотреть на нарядных, сияющих лицами женщин — это счастье.

Пир получился как в богатом довоенном году. Поздравляли Надежду и Павла с благополучным возвращением, желали им всех благ и... скорейшего прибавления семейства. Шутили: чтобы не платить налог за бездетность, а наоборот, получать деньги от государства за выполнение «плана»: от семьи не менее трёх детей.

Надежда, оживлённая, счастливая, рассказала:

— Два месяца писем не было. Цыганка мне точно нагадала, говорит: «Живой твой муж, завтра придёт, но не надолго, дня на два, а потом вернётся через год. Завтра увидишь на вечерней зорьке. Плюнешь мне в глаза, если вру». А я ей говорю: «Ага, завтра тебя с собаками не найдёшь!»

— И чё? Плюнуть не пришлось?

— Не стало их, цыган, на другой день, а Павел появился, не вечером, ночью. И побыл только до утра, на год и уехал. Вот, — оглядела застолье удивлённо-восторженными глазами, — иногда цыганки не врут.

Павлу пришлось держать ответ за оба фронта — германский и японский.

— Чё с рукой-то? — кивнул Иван, увидев шрам у Павла на ладони. Хотя он знал от Надежды, что это японец его «царапнул».

Павел посмотрел на свой рубец, пересекавший ладонь от указательного пальца до запястья.

— А, ничего. За кинжал схватился. Ночью шли по лесу. Приказ был: не шуметь, не курить, чтобы япошки не обнаружили, что войска передвигаются. А они, видать, что-то знали, или догадывались. Идём, в общем, спим на ходу. Запнёшься за корни или за что-нибудь, упадёшь, поднимешься — и догоняешь строй. Один упал, другой упал — я встревожился: почему-то не догоняют. Очнулся. А тут надо мной нож. Ну, успел схватиться, да за лезвие. Операцию мне делал то ли кореец, то ли китаец. Ну, молодец! Все жилки сrostил.

Павел сжал и разжал кулак, с удовольствием демонстрируя, что никакого ущерба его руке не случилось.

— С японцем что? Многих зарезал?

— Скольких, я не знаю. Я же потом сознание потерял. Говорили, что отравленные кинжалы у их, смертники, значит, шли на погибель заранее. Убил, стало быть, сонных сколько-то, а со мной не повезло: проснулся я вовремя. А хирург молодец! — ещё раз порадовался Павел за мастерство врача.

— Ну, наши врачи тоже не лыком шиты, — вступился за советских хирургов Евгений. — Ивану ногу приделали — как тут и была. Про мий палець я уж и не кажу, — добавил он под смех окружающих.

— Да, — вздохнул Иван Иванович и замолчал.

Все посмотрели на него с некоторым удивлением: от Ивана Ивановича редко удавалось что-нибудь услышать; если его не спросить, то он за весь день мог слова не вымолвить. Ждали продолжения. Он посмотрел в свой стакан — там оставалось немного на доньшке, — выпил, откусил солёного огурца, оглядел застолье. Ждут.

— Врачи победили, — Иван Иванович опять вздохнул, по своему обыкновению и, посчитав, что всё уже пояснил, сосредоточился взглядом на бидончике с бражкой.

— Ково победили? — Анастасия толкнула локтем мужа.

Иван Иванович, чудом выживший после ранения в живот, демобилизованный по этой причине, ничего никому не рассказывал, где воевал, какую службу нёс и при каких обстоятельствах был ранен. За что получил медаль? Он посмотрел на жену с удивлением: не знает кого?

— А верно, — понял Павел свояка, — без врачей войну бы с фашистами продали. Редко кто в санбате или госпитале не побывал. Да не по одному разу.

Меня контузило, другой раз ранило, но легко — там, с немцами. Тоже без хирурга не поздоровилось бы. Я за счастье считаю, что руки-ноги остались при мне.

«Да, — мысленно согласился с ними Иван. Память высветила ему госпиталь, где круглосуточно и безостановочно работал конвейер: поступали одни раненые, и одновременно уходили на круг войны восстановленные бойцы. — Большинство возвращалось на передовую, немногих, как и меня, забраковали для боевой работы».

— Ага, — заметила Павла, — то врачи молодцы, а без колхозив и врачи б с голоду поздыхали.

— Ну, — смеялся счастливый Павел, — иногда приходилось без еды по несколько дней в окопах сидеть. О-о! Холод и голод — это самое тяжёлое на войне.

Ивану припомнились немецкие лагеря с рационом, который будет отрыгаться ему, кажется, всю жизнь. Этот расклад «только для русских», утверждённый имперским министерством продовольственного снабжения в рейхе в конце сорок первого года, переслали из города подпольщики партизанам — чтобы знали и в лесу, откуда идёт немецкий орднунг, порядок, для русских. «Русиш — швайн» (русский — свинья) было узаконено высшей германской властью. И соответствующее питание.

«Отжимки сахарной свёклы — 40 процентов, отруби — 30, древесные опилки — 20, целлюлозная мука из листьев или соломы — 10».

Тогда он подумал, что ему ещё повезло быть в лагерях до этого людоедского распоряжения. Хотя пища была примерно такого же качества и без указания свыше.

А летом сорок третьего по оккупированным деревням фашисты распространили запрет сельскому населению употреблять растительное и животное масло, лук, картофель, мясо птицы, молоко. Всё это жители должны были немедленно сдать оккупантам, все сто процентов. За невыполнение — порка, в лучшем случае, а в основном — расстрел. Такими мерами немцы надеялись оставить народ голодным, чтобы не могли партизаны разжиться в деревнях продуктами.

Но своими знаниями, что такое голод, Иван не стал делиться с родными, когда стол, что скатерть-самобранка.

— Без заводчан бы не победили, — задумчиво произнесла Мария.

Она напряжённо вслушивалась в разговоры и сочла нужным напомнить, что рабочие на заводах делали пушки, снаряды, танки и самолёты.

— Вот, — поддержал её Шувакин, — и ложки, которые Маруся штамповала, тоже были нужны как оружие. Верно, Павел? — вздохнул и заключил уже серьёзно: — Что тут делить? Победа общая, а всё ж давайте выпьем за Павла и за обоих Иванов — фрицев били они, а не мы.

— Ох, война, — выдохнула Анна Васильевна, — и туточки людей убивают. И ребятишек.

То, что минувшей осенью сторожа на току убили, это знали не только богдановские жители — как не знать, когда сторожем был старик из их деревни? Но и в Кормиловке все были в шоке, когда милиция нашла убийцу на Советской улице — Витьку Воробьёва — по щепе от приклада ружья, которым он бил сторожа по голове. Но о каких ребятишках сказала Анна? Разговоры за столом умолкли. Шувакин посмотрел на жену с осуждением, однако должен был пояснить.

— В Омске — пацанов, — и замолчал.

— О, то мы шось слышали, — подала голос Павла. Из всей родни у неё одной муж не пришёл с войны. Погиб ещё в первый год. Она избегала встреч с теми, у

кого мужья вернулись, не любила весёлых и шумных разговоров. Но тут и в гости пришла, и снова в беседу встряла. — Шось про кино толковали.

— Ну, — неохотно подтвердил Шувакин. — На чердаке в кинотеатре «Гигант» нашли ребятишек убитых. Опилками присыпаны были.

— И чо? Кто убил, нашли?

— Нашли, когда у начальника завода ребёнок потерялся. До того жаловались родители, у кого ребёнок исчез, а омское милицейское начальство думало, что парнишки и девчонки в бегах. Искали, но без пользы. У начальника пропал — спохватились, даже к нам в милицию приезжали, нет ли тут следов, каких-нибудь подозрений. Воробьёв же был не один. Вдвоём угробили сторожа, подельник как раз из Омска. Он зерно в город увёз и продал. А ребятишек пацаны убивали. Шпана. Обещали провести в кино бесплатно и заманивали наверх.

— Вот зверёныши! Стрелять таких надо, как фашистов.

— Вышку одному присудили, — Пётр поморщился, — остальным сроки от семи до двадцати лет. Самому старшему только исполнилось восемнадцать, самому маленькому — двенадцать лет. Кого стрелять?

— Зачем же они убивали?

— Как «зачем»? Одежду, обувь несли на толчок, продавали.

Иван, слушая Петра, невольно вспомнил своих сокамерников. Им ведь тоже, судя по лицам, не было ещё восемнадцати. Перевели их от Ивана на следующий день после стычки. Иван так и не узнал, за что они арестованы. Имени Малыша тоже не узнал, а надо бы. После его удара сложенным кулаком по плечу в груди Ивана тогда что-то будто оборвалось и временами даёт о себе знать до сих пор. Такой молодец своим сдвоенным кулаком запросто мог бы вбить ребёнку голову в грудь. Война, выходит, ещё идёт, только в другом обличье?

— Да, — обратился Иван к Павлу, — японцев ещё в прошлом году заставили капитулировать, а ты где был до сих пор?

— Где? В Корее служил.

— Ну?! И с корейцами общался?

— Да. Мы свободно по городу ходили, — Павел засмеялся: — Чудно живут. Я вот смотрел, как ихний столяр рубанком строгаёт: на себя стружку гонит.

— Хе, — у Петра с выпитого язык освободился, — это точно: всякий народец к себе тащит, только русский — от себя. Попроси — последнюю рубаху отдаст.

— А ещё нам было удивление, — продолжил Павел, не обращая внимания на реплику Шувакина, — как они лошадь запрягают. В часть нашу кореец продукты привозил. Вожжей нет, правит лошадьё так: бьёт кнутом по её морде. Она отворачивается, идёт в другую сторону. Мы с товарищем увидели такое дело, чуть не побили его. У лошади уже глаза повыхлестал. Взяли его в оборот. Показали, как вожжи закрепить, и пригрозили, что ему не поздоровится, если в следующий раз будет кнутом править. Стал запрягать по-нашему.

— А вот ты привёз трофей? — продолжал гнуть свою линию Шувакин. — У фрицев чего взял?

— Ничего не привёз. Кёнигсберг взял, но он большой — в сумку не запихнёшь. После Кёнигсберга нас сразу на восток.

— И медаль за взятие Кёнигсберга у тебя, а в городе-то был? Что запомнилось? Павел засмеялся:

— Запомнил всё то же, что и везде: колючую проволоку, спирали и мины —

шесть километров сплошных заграждений. Мы, сапёры, на брюхе должны были проходы сделать для танков и для пехоты. Товарищ мой там погиб. — Павел по-мрачнел. — Я проволоку держал, а он резал. Держишь, чтобы не нашуметь. Немцы на проволоку пустые банки навешивали, склянки разные, чуть тронешь — зазвенит, и тут сразу очередь. Но мы аккуратно, тихо работали, шальная пуля ударила его в лоб. Фрицы по темноте осветительные ракеты запускали и стреляли — со страху. Хороший Ваня парень был, весёлый. Мы его Курским Соловьём называли. Пел замечательно. Перед войной он комсомольским секретарём являлся, а служил в церкви звонарём и пел в церковном хоре. Вот уж нам смешно было! — Павел сказал, что смешно им было, а горечи от потери боевого друга утаить не смог, опустил голову.

Минуту молчал, и никто словом не нарушил тишину.

— В Курск когда вошли, он меня на колокольню позвал — свой город показать. Вот поднялись, он давай звонить. А тут снаряд мимо, потом — другой. Я говорю ему: «Давай сматываться отсюда — сшибут». Убежали. Ежли б в тот раз пуля не попала в него, может, до сих пор был бы живой. Ведь после Кёнигсберга нас на восток отправили.

— А в городе обратил внимание, что под каждым домом подвалы в доты превращены, — закончил Павел историю со взятием Кёнигсберга. — Похоже, что дома специально так строили. Что ни дом, то крепость.

— Сахару привёз, — припомнила Надежда, — когда забежал по пути на восток.

— Ага, — подтвердил Павел, — я махорку на сахар менял с курящими, кому по норме курева не хватало.

— И у япошек ничего не добыл? У корейцев, то есть, у них, наверное, и взять то нечего?

— Бедная страна, не то, что у немцев. У немцев дома — не в пример нашим, чего им не хватало? А корейцы торгуют, наверное, все. Кожу хорошую на сапоги купил, но везти было опасно, пришлось прятать. Генералы и полковники разобранные казармы японцев, кирпичи, отправляли в Союз, чтобы дома себе строить вместо разрушенных немцами, а нам вещи везти было запрещено.

— Это почему?

— Чтобы грабежа не было, запрещали. Как докажешь, что купил, а не силой взял? Наказывали за мародёрство строго. В первые дни, как мы пришли в Корею, был случай. Кореец пожаловался командиру, что часы у него солдат взял, а денег не заплатил. Командир приказал полку построиться и говорит этому корейцу: «Который взял, он здесь есть?» — кореец указал на солдата. Командир спрашивает: — «Взял? Где часы?» — тот сдвинул рукав, часы при нём. Снял, отдал корейцу. Тут же нескольким бойцам приказали выйти из строя, изготовиться. Поставили солдата напротив, к стенке, и... крышка!

— Что?! Вот так: за часы расстреляли?!

— Да, такой был приказ, чтобы не обижали население. Ещё раньше, перед тем как на немецкую территорию ступить, предупредили. За мародёрство — расстрел. Так вот, мы с товарищем свои манатки в кирпичи спрятали, ниши сделали и положили. Сами на тех платформах и ехали. Но вот что антиресно. На улицах у них всё продают, и прямо на улице сидят бабы и хлеб, лепёшки, пекут. Вот сидит она, ты подходишь и хочешь горячую лепёшку. У неё тесто наготове. Она подол юбки выше колена поднимает, на ляшку тесто — шлёп! Раскатает и — на горячее, без сковороды.

— Да ну-у, врать-то!

— Не хошь верить — не верь. Поначалу мы брезговали, а потом — ничего, даже нравилось. Вкусно. Она же до нас тестом свою ногу так вычистила, что будь здоров! — Павел с улыбкой оглядел застолье: — Совсем по-другому люди живут.

— А Тамара Кретьова, хромоножка, с нашей улицы, за корейца вышла, уже и ребёночка черноголового ей сделал, — заметила Надежда. — Куда было деваться, когда два мальчишки и девочка у неё от мужа остались? Других мужиков-то нет.

— Эстонцев привезли, — напомнил ей изрядно захмелевший Шувакин, — под надзор нам. Фрицам помогали, а мы с ними нянчиться должны. Воров не успеваем сажать, а тут ещё этот надзор, — пожаловался Пётр.

— Ну, ещё эстонцы детишков наделают, — вздохнула обречённо Анастасия.

— Удивляюсь, что живой остался, — негромко произнёс Павел.

Иван подумал тоже: «И мне удивительно, что я тут сижу, а не остался где-нибудь под корягой в лесу».

— Бог, значит, сохранил, — сказала Павлу Анастасия. — Молился?

— Хм... — Павел крутнул головой. — Нет. Бывало, матерился Ему, а молитвы — нет. У нас все верующие: отец и мать, тётка с дядей, не говорю уж про деда с бабкой, а я с детства как-то не очень чтобы верил. «Отче наш», конечно, запомнил, а другие молитвы заучить было лень.

— Он перекреститься не умел, — прервала мужа Надежда. — Я ему показывала: «Вот так делают пальцы, когда крестятся, а ты вот так делаешь, как вошь поймал».

Павел засмеялся вместе со всеми.

— Меня на исповедь однажды привели. Перед тем думаю: «Какой же у меня грех? Что сказать?» Ага. Вот он меня спросил про грех, я ему: «Грешен, батюшка, я у соседки огурец своровал, хотя у нас своих огурцов было много. Каюсь». Он полой меня накрыл и говорит: «Не кради больше» — и простил мой грех. Смешно.

— Я за тебя молилась, — сказала Надежда. — Не перед иконой, а в душе — каждый Божий день.

— Да, — глянул на неё Павел, — про иконку скажу: ты её убери с глаз — я теперь партийный, мне упрёк будет, что жена икону на виду держит. Да. Война убедила, что с Богом что-то неладно. Вот случай. Привёз я нашего политрука к связисткам, в лесу они хоронились. Он в землянку к ним спустился, а я неподалёку у лошади остался. Тут тяжёлая мина возьми и попади прямо в ту землянку. Немцы кидали в лес наугад. Двух девушек убило, одну ранило, майору, политруку, ногу оторвало. Живой остался, но калека. За что, спрашивается, наказан? Хороший мужик, душевный, до войны учителем работал. Он меня в партию рекомендовал. А девчонки? Совсем молодые были, не успели согрешить. Где у Господа справедливость? Разуверился совсем. Да хотя бы взять войну. Зачем допустил, если Он есть?

Иван с Надеждой переглянулись, вспомнили: отец сказал, что будь Ленин живой, он войны бы не допустил — это как?!

— Ты в партию вступил? — удивилась Анна Васильевна. У неё к партиям свой счёт: до сих пор не знает, жив ли отец, которого осудили в тридцать восьмом году. — Так тебе теперь должность дадут?

— Ага, — немедленно отозвалась Надежда, — догонят и ещё дадут. На молзавод его берут, ящики под масло сколачивать.

— Чего ты там забыл, в твоей партии? — вслед за Анной подвинулась и Анастасия.

— Э-э, не понимаете! — Павел поднял указательный палец вверх. — Сам политрук мне предложил. А когда я ему сказал, что я из раскулаченной семьи, то он мне пояснил так: «Ты за нашу родину, а значит, и за нашу Советскую власть честно бьёшься, кровь проливал, поэтому — достоин. Вступай, я тебе рекомендацию дам». Вот. Так что получается? Получается, что будто пятно с души сняли. Я себя почувствовал полноценным человеком, а то вроде как червоточина во мне сидела! А на фронте у коммунистов была одна должность: «Коммунисты, вперёд!»

— Та хватит вам про партию, давайте заспиваем, — не выдержала серьёзных разговоров Павла и, не дожидаясь ответа, немедленно начала:

— *Розпрягайте, хлопцы, коней, тай лягайте спочивать,
А я пиду в сад зеленый тай криниченьку копать.*

Женщины подхватили, встроились в лад, и бойкая песня про чорнявую дивчину выплеснулась со двора на улицу.

— *Маруся, раз, два, три, калина
Чорнявая дивчина в саду ягоду рвала...*

Спели. Анна Яковлевна вышла из-за стола, лихо сплясала чечётку и выдала частушку, которую услышала на вечерке:

— *Хорошо тому живётся, у кого одна нога:
И портянка не порвётся, и не надо сапога!*

— Всё, Павел, желаю тебе быть счастливым и богатым. Надя, спасибо за вкусный обед. Мне пора коров доить.

— Как же ты будешь доить? — удивилась сестра. — Пьяной доярке корова молоко не отдаст.

— А я не пьяная, — засмеялась Анна, — я квас вместо бражки пила.

Дождей не было с мая весь июнь и июль сорок шестого года. В колодце на улице Боровая воду для полива разбирали до дна.

Павел затеял вырыть колодец на своём огороде. За войну он, сапёр, столько окопов, траншей и ям для блиндажей выкопал, что докопаться до воды ему казалось сущим пустяком. За вечер, после работы, углубился на два метра, потом поставил ворот, и два следующих вечера Надежда помогала ему: вытаскивала ведром глину и высыпала в сторону. Прошёл ещё два метра вглубь, и под ногами стало сыро, глина зачавкала под сапогами. Вычерпал жижу, яма стала быстро заполняться водой.

Чтобы спустить сруб, который Павел заготовил из берёзовых брёвен, пригласил он на помощь Ивана и Евгения. Деляну с берёзами Павлу выделил председатель Богдановского колхоза под обязательство сделать ему сани и сплести для саней кошеву.

Когда после всех трудов достали первое ведро холодной воды и отведали её, то все были в восторге: словно из ключа напились. Да так оно и было: хрустальную воду щедро поставлял подземный ключ.

Деревня жаре не рада: озимые ещё поднялись, а то, что посеяно весной, без дождей чахло. Урожай пшеницы и ржи ожидался низкий, овощи тоже едва перемагали засуху. Даже трава на лугах пожелтела раньше времени. Сено косили — мучались.

Надежда у сельчан оставалась на картофель, прародиной этой культуры, видимо, были жаркие страны.

Ивана освободили от обязанностей бригадира, в то время когда сидел в СИЗО. Он с раннего утра до поздней ночи возил воду с реки: на ферму — для телят, на пастбище — коровам, в остальное время — на поля, чтобы спасти от солнца капусту, свёклу, огурцы. Омь, рождённая в Васюганских болотах, к счастью, не высохла, хотя заметно обмелела. По специально скрытому спуску он заезжал прямо в реку и ведром начерпывал воду в большую деревянную бочку, в нижней части её было отверстие с пробкой, через которое можно было быстро слить воду. Это немного облегчало ему раздачу воды.

И вдруг, при начале уборки небогатого урожая, ещё не наступила осень, явились тучи, которые блуждали всё лето где-то в других странах, пошли дожди. То лило как из ведра, то после небольшой передышки сутками моросил мелкий дождь. Хлеба полегли. Во время кратких перерывов дождя бригады выходили с вилами поднимать колосья, Евгений трактором таскал на прицепе комбайн; зерно увозили на подводах.

На копку картофеля по распоряжению райкома партии привлекали школьников Кормиловской средней школы, учеников с пятого по девятый класс. Кто учился во вторую смену — работали с утра, ученики первой смены — после обеда. Взрослые и старшеклассники подкапывали картофельные кусты, а ребяташки выбирали из чёрной «каши» облепленные грязью клубни. Руки мёрзли, носы мокли, но с поля никто не уходил: все понимали, что если не спасти и картошку, то есть зимой будет нечего. Картофель просушивали под навесами, под тентами, прежде чем заложить в хранилище.

Иван привозил на поле сухие дрова; разводили костёр и давали детям по ломтю хлеба с кипятком. Ребятишки успевали во время перерыва сбегать на соседнее поле, там в низинке земля даже в засуху сохранила немного влаги, и вырос турнепс. Школьники с удовольствием ели его, несмотря на то, что этот сорт был высажен на корм животным.

Не только сибиряки в том году сняли с полей скудный урожай, в некоторых районах страны положение оказалось ещё хуже. Урожай зерновых сорок шестого года оказался меньше, чем в сорок пятом, более чем в два раза. Зима сорок шестого на сорок седьмой год была суровой: победители фашизма жили впроголодь.

Правительство страны, чтобы ослабить влияние бескормицы на людей, в конце августа сорок шестого повысило зарплаты жителям от Урала до Дальнего Востока — на двадцать процентов. На остальных территориях эта прибавка коснулась лишь специалистов с высшим и средним образованием.

Ивана, как и остальных колхозников, повышение зарплат не коснулось, но у деревни появилась надежда, что и до села когда-нибудь дойдёт начальственная благодать. Они, деревенские, не очень-то и нуждались в государевых подачках, вот только бы сделали послабление с налогами да облигации займов не навязывали каждый год.

А в сентябре вышло постановление Совета Министров и ЦК партии, которое напрямую касалось колхозов. Иван с удивлением и одобрением читал в газете это постановление. Особенно пятый пункт.

...Установить, что работники советских, партийных и земельных органов и председатели колхозов, виновные в расхищении и незаконном распоряжении

колхозным имуществом, общественной землей, денежными средствами, будут сниматься с постов и отдаваться под суд, как нарушители закона и враги колхозного строя.

...обеспечить в двухмесячный срок возвращение колхозам незаконно взятого у них имущества, скота и денежных средств и в месячный срок доложить Совету Министров СССР и Центральному Комитету ВКП(б) о мерах, принятых в отношении конкретных виновников в расхищении колхозного имущества.

«Да, тянули и тянут с крестьянина», — думал Иван.

Хотя богдановский председатель был чист на руку, но он не мог противостоять районному начальству, когда, например, те «советовали» ему выделить участок леса какому-нибудь важному лицу для заготовки дров или для строительства бани. Да и некоторые колхозники во время войны прихватили неиспользуемые участки земли, расширили свои поля до такой степени, что времени для работы в колхозе у них почти не оставалось. Председатель смотрел на самозахват земли скрепя сердце: кормить свои семьи сельчане могли только с собственных участков. То, что выращивалось колхозом, большей частью шло государству; взамен хозяйство получало деньги — по твёрдым довоенным ценам, от которых на трудодни работникам доставались крохи.

Деревня гудела как разворошённый улей. В правлении колхоза вечерами толпился народ.

— Вот, — поднимала указующий палец бригадирша второй бригады, — шо тут написано. Пункт шестый. И читала:

Запретить под страхом уголовной ответственности районным и другим организациям и работникам требовать с колхозов хлеб, продукты, деньги на нужды различного рода организаций и для проведения съездов, совещаний, празднований, финансирования районных строительных работ.

Внимательно оглядев при свете коптилки присутствующих, выдала:

— Начальство як понаидэ, требует: то дай, друге дай, та накорми с самогоном, щоб воны сыты булы и бумагу не написали. Тэперь им тюрьма, а не свинячий окорок!

— И вот еще, — продолжала бригадир:

...ликвидировать в 3-месячный срок всю задолженность колхозам со стороны различных организаций и учреждений и впредь установить порядок своевременной и добросовестной расплаты с колхозами за их продукцию и за выполненные ими работы.

Иван раньше понял — когда вернулся из госпиталя, когда у Надежды узнал, что у неё сарай разломали, чтобы кур украсть, — что вдали от фронта тоже пошло разрушение страны: спекуляция, кражи, убийства. Смрадный фашистский дух проник и сюда, в Сибирь, нашлись люди, которые наживались, когда народ надрывался в полях и на фронте во имя победы.

Самым лучшим пунктом Иван посчитал вот этот:

Воспретить под строгой ответственностью райкомам партии, райсоветам и земельным органам назначать или снимать председателей колхозов помимо общих собраний колхозников.

«Правильно, — подумал он о районных управленцах, — не лезьте к нам, мы сами с усами, без вас разберёмся, кто у нас с умом и будет председателем».

Опять март. Яков Мартынович занемог основательно. Иван повёз его в районную больницу.

— Заидь до Нади, — попросил отец.

Надежда уже не работала в милиции, управлялась по дому, несмотря на свой большой живот. Ждали с Павлом прибавления в семействе. Она усадила Ивана с отцом за стол.

— Сидайте сидать, — сказала, — а то нынче голодно.

— То не голод, — возразил Яков Мартынович, — никто нидэ не помер, а у тэбе, бачу, борщ з мясом.

— Так Павла на пустом борще держать нельзя: после работы до полночи дома робит. Кабана осенью закололи, потом — овцу. Сидайте.

— Мени трошки, — предупредил отец, — одну ложку.

Отобедали.

— Прости, доча, за всё, — сказал Яков Мартынович Надежде.

— Бог простит, тятя, — сказала с грустью она. — Я на вас зла не держу. Поправляйтесь.

— Не, — слабо отмахнулся рукой отец, — уже всё.

Не успели сбежать апрельские ручьи, как в Кормиловской больнице умер отец, Яков Мартынович. Домой, в Богдановку, покойного не привезли, доставили в гробу на кладбище. Вокруг могилы на слякотной земле стояли только родственники и два копателя. Дул сырой холодный ветер, и прощание было печальным вдвойне — за уходящего в мир иной и за то, что люди слабы и зябнут, и спешат укрыться от непогоды, а в могиле будет сыро, и ничего с этим сделать уже нельзя.

Нади на похоронах не было — большой живот не позволял ей идти на кладбище за пять километров по разбитой вязкой дороге. Через несколько дней после похорон она родила мальчика. Спустя неделю после родов мать с ребёнком выписали из роддома, и в гости стали навещаться не только родственники, но и знакомые. Говорили: «Надя родила богатыря». И шли посмотреть малыша. Ничего особенного в мальчишке не обнаружилось, вес у него, правда, был необычный: пять четыреста. Шутили родственники:

— Накопил Павел силушки за пять лет.

Иван осматривал Богдановское поле, которое начиналось сразу за огородами Ивановых, завернул к сестре. Посмотрел на малыша.

— Хорош пацан. Как назвали?

— Витя ему имя дал. Сказал, что пусть будет Валерий. Валерий Павлович, как лётчик Чкалов.

— Ну?! Про Чкалова кто тебе сказал? — обратился к племяннику Иван.

— Про него все знают, — ответил Витя, — он знаменитый самый лучший лётчик.

— Где-то что-то прочитал ещё, — сказала Надежда. — Грамотей. Он с Настиным Толькой в школу несколько раз сходил в позапрошлом году, когда Толька в первый класс пошёл. Ну, как Филиппок. Тогда же и читать научился, — вздохнула: — Книжку бы ему купить, а денег нет. Я же уволилась ещё осенью, а у Павла зарплаты не на всё хватает. Приглашают его в Заготзерно, в охрану. Там сутки дежурить, а двое — отдыхать. Согласился. Он надеется, что дома будет подрабатывать. Уже погреб за сараем выкопал, и баню там затекает, чтобы заодно в предбаннике столярку устроить.

— Вот как получается, — задумчиво сказал Иван, — Павел после всех с войны пришёл, а ребёночка вы первые с ним родили — среди родных.

— Нет, — возразила Надежда, — Дуся, то есть Рая, Настенькина дочка, маль-

тишку в прошлом году родила, там, на Сахалине. Уже больше года мальчишке. Да ты их видел с Сергеем, когда они тут были.

— Видел, — сказал Иван недовольно, — ублюдок этот Сергей. Что раньше про пацана не сказали?

— Так они писем не писали, обиделись, видать. А недавно Дуся прислала письмо. И фотокарточка в конверте: славный мальчишка — в костюмчике. Мария прочитала матери. Настенька порадовалась — первый внук у неё, и поплакала. Каждый день теперь фотку смотрит и просит Марию письмо читать. А там все го-то полстранички.

Надежда помолчала, потом спохватилась:

— Мы первые? А себя ты не считаешь? Или Галя не твоя дочка? Где они?

— Не знаю, — Иван виновато отвёл взгляд.

Надежда не отступала:

— Ты что не женишься? Пора своих детей растить, нечего холостяцкий налог платить.

Иван вздохнул:

— Что налог? Тут, знаешь, после первой женитьбы ещё не отошёл. Хоть и не зарегистрированы мы с Машей были, а будто женатый я. Ведь ушла — не поговорили — разошлись.

— На примете кого-нибудь держишь?

Иван подумал немного, посмотрел сестре в глаза:

— Есть одна, да сомнения мучают.

— А чего?

— Не нашей деревни.

— Что за беда? Если хороша девка, то хоть из другой губернии.

— Так, — согласился Иван. — Они недавно в Богдановку переехали из Зотино, а до того, верно, прибыли из другой «губернии», из Новосибирской области. Наши-то девчата коситься на меня стали, что я её запривечал, злятся.

— Ну, это не причина. Раньше я за тобой такой робости не замечала. Как звать-то её?

— Вот и в этом загвоздка, — Иван покачал головой. — Марией её зовут. Третья Мария!

— Это не горе. Разве имя плохое? Племянница твоя, Настенькина дочка, тоже Мария, разве плохая девушка?

— Хорошая! Но не жениться же мне на ней. А фамилия у этой Марии, как у Маши, — Григоренко!

— О! — тут даже Надежду проняло. — Теперь понимаю. Знаешь, я тебе погадаю немного погода. Сейчас пока нельзя: сорок дней тятя пусть пройдёт, потом.

В конце мая сорок седьмого года всю страну всколыхнуло известие о том, что правительство отменяет смертную казнь. Теперь самое большое наказание, даже за убийство, двадцать пять лет заключения в тюрьме. В деревне отодвинулись в сторону местные новости: чья корова забрела в чужую ограду или почему Пашка Максимова повздорила с Маланьей Полухиной, ведь ни у той, ни у другой мужика нет? Кого делить?

Судачили поздними вечерами в ущерб отдыху — заканчивалась посевная, началась прополка — хорошо это или так себе? Большинство склонялось к тому, что это правильно, и без того много народу убыло от войны. Были и сомневающиеся:

— А убивцев, мабуть, в тюрьму, нехай вони там двадцать пять годив на казённый харч живуть?

Когда однажды Пётр Шувакин оказался в правлении колхоза по каким-то милицейским делам, его спросили, что он думает об отмене смертной казни. Иван был тут же, вопрос его тоже интересовал, потому что он не забыл, в чём его чуть не признали виновным — в измене и участии во власовской армии. Могли бы расстрелять, и не дожил бы он до этой мягкой меры наказания.

Пётр хотел сначала отвертеться от вопроса.

— Моё дело маленькое — ловить преступников, а про наказание пусть там решают, — и ткнул пальцем кверху.

— Шо, в тэбе своих мозгов нема?

Пётр стерпел реплику, но спустя минуту, подумав, сказал:

— Вот я вам один случай приведу. Недавно арестовали фраера, молодого вора, того, что сберкассу пытался ограбить и чуть не до смерти работницу... железным прутком, в общем, её по голове. Ну, спрашиваем: «Ты почему на такое дело пошёл?» Ага. Он говорит: «Косой заставил». Косой — это кличка такая, из-за глаза, вор опытный, бандит со стажем, — пояснил Пётр, — всю войну сидел, отсидел, недавно вышел. Ну вот, опять спрашиваем: «Как заставил, если ты сам не хочешь?» Отвечает: «Я сказал, что не пойду, а он пообещал меня грохнуть. Я ему сказал, что тогда тебя посадят, а он мне говорит: «Ну, если поймают, отсиджу десять лет и выйду, а ты за это время в земле сгниёшь». Чо мне было делать? Я пошёл. Ведь он вправду убьёт».

Шувакин оглядел сельчан и подытожил:

— Боюсь, что кое-кому этот закон руки развяжет, — почему-то посмотрел на Ивана. — А может, шут его знает, народ меньше злобиться станет?

Иван вздохнул, почесал затылок и пошёл отдыхать.

Иван зашёл к Надежде после посевной. С ним была высокая стройная девушка, смуглая и чуть скуластая, что свидетельствовало о том, что среди предков её могли быть азиаты. Она поздоровалась спокойно, с достоинством, но Надежда уловила небольшое волнение у невесты Ивана: она, видимо, догадывалась, что от Ивановой сестры может зависеть её судьба. Про огненно-рыжую Надю-колдунью ей приходилось слышать в деревне.

Иван пошёл во двор, посмотрел, насколько продвинулось строительство бани у Павла. Оставил женщин наедине, чтобы не мешать им в беседе.

Поговорить толком не пришлось: у Надежды варился на плите борщ, иногда вякал на кровати малыш, и она поминутно взглядывала туда, следила, чтобы старший брат не отошёл далеко от кровати. Хотя Валерик, укутанный в пелёнку, ещё не дорос, чтобы двигаться, несмотря на то что богатырь.

Прощаясь, Иван пропустил Марию вперёд, в дверях оглянулся на сестру: «Ну, что?»

Она молча кивнула головой: «Твоя».

Ближе к осени Иван и Мария поженились и переехали жить в совхоз, как предлагала когда-то Ивану Вера. Совхоз выделил им небольшую хатку на первое время, как пообещал директор. Врытая в землю, с низким потолком, — Иван чуть не касался его головой — избушка напомнила Ивану партизанские землянки, о чём он сказал жене. Но добавил:

— Зато фрицев здесь нет.

Мария хмыкнула:

— Как же нет? Немцы есть, и дома у них лучше.

Она была права: когда в первые дни Иван обратил внимание на усадьбы, которые выделялись среди других тем, что в них избы выглядели почти новыми и были ухоженными, то Вера ему тогда пояснила:

— Так это эвакуированные, переселенцы с Поволжья. Тут руководители обязаны были обеспечить их крышей или материалами для строительства — вот и построились. Немцы дисциплинированные: сказали им, что надо самим строить, — построили, сказали, что кюветы вдоль дороги надо вырыть напротив своего участка, — все до одного вышли и сделали. А наших — не всякую бабу заставишь. Пошлёт тебя, куда Макар телят не гонял.

Мария тогда осторожно заметила:

— Так у них-то, наверное, мужики целые?

— Да, — согласилась Вера, — семьями, с мужьями приехали. А тут, конечно, когда у Лушки трое мальцов, то ей после работы в доме успеть бы управиться, не до канавы.

«Халупа» — так охарактеризовал самому себе Иван это своё жилище — уже покосилась и просилась на снос, но была тёплой, зиму перемогли с дровами и углём — топливо по небольшим ценам купили в своём хозяйстве. А в начале лета Мария родила мальчика. Имя ему дали Витя.

— У Нади толковый сынишка растёт, значит, имя хорошее, — предложил-пояснил Иван супруге своё решение, — пусть и у нас такой будет.

Работы в совхозе непочатый край. Когда директор сказал, что на конюшне нужны второй конюх, то Иван уже ни на какую другую работу не соглашался.

Тёзка Ивана, Иван Прокопьевич, старик, который всю войну один тянул лямку на конюшне, встретил помощника доброжелательно и одновременно с некоторой ревностью. Каждая лошадь здесь была вскормлена им от рождения и потому он с полным основанием считал себя почти собственником лошадей и всей конюшни. Работникам совхоза выделял коней для личных нужд по распоряжению директора, но по собственному усмотрению, кому какую лошадь отрядить и в какой возок её запрячь. И не выпускал за ворота упряжку до тех пор, пока не прочтает работяге или работнице наставление по правильному обращению с государственным, то бишь, с совхозным добром.

Ивану он указал, с какого края, от какого коня надо начинать кормить животных и с какого — убирать в конюшне, как чистить лошадей и как следить за копытами. Очень важным считал Иван Прокопьевич, как с утра, с первого часа рабочего дня и в выходной, приготовить тарантас или сани — если зимой, для директора.

— Вот, — наставлял он, — Саврасый выездной, его директор уважает, должен быть всегда наготове, а Каурый ему, коню, тоисть, Саврасому, на подмену, ежлив что, ежлив тот, Саврасый, значит, уставши после долгой дороги.

И, всмотревшись внимательно в Ивана, вопрошал, делая ударение на последнем слове: «Понял?»

Иван старику не перечил, делал всё так, как тот велел, не ленился лишний раз проверить исправность сбруи, тележных колёс, чистоту конюшни и даже крепость столбов у ворот испытал. Прокопыч, так его все называли, скоро проникся доверием к подручному и сдал ему бразды правления, так как сам сильно потрагился за войну, в силу возраста и слабости ног уже не мог управляться как прежде.

Кроме ухода за лошадьми, Ивану приходилось привозить товары для магазина

из города, подвозить дрова к домам других работников совхоза, чаще — работницам, в основном, вдовам. В общем, скоро стал своим человеком в селе, нужным всем.

Впервые он почувствовал себя спокойно и был счастлив. Утром, придя на конюшню, он вдыхал запах конского навоза, который вовсе не казался ему отвратительным, встречал взгляды ожидавших его лошадей, запускал пальцы в гриву, прислоняясь головой к тёплой лошадиной морде. Тут были его молчаливые и терпеливые друзья, готовые служить ему и повиноваться.

А вечером его встречала ласковым взглядом и горячим ужином жена, и радостно улыбался сынок, цепкие ручонки которого крепко хватали Ивана за волосы, при этом чистое личико его расцветало радостной улыбкой.

— Ах, ты, разбойник, — говорил Иван сыну, — опять клок волос выдрал.
«Наконец-то, — думалось ему, — у меня растёт наследник».

Урожай сорок седьмого года в стране оказался, наконец-то, обильным, и в декабре правительство отменило карточки на продукты и на другие товары. При этом цены на всё были снижены на семнадцать процентов.

Но жилось трудно. У магазинов очереди занимали с раннего утра, топтались на морозе в ожидании подвоза хлеба и других продуктов. А не постоишь — можешь остаться голодным, талона-то теперь нет, продавец ждать тебя не обязан. Правда, народ скоро стал устанавливать свои правила:

— Одну булку в руки!

У кого большие семьи, тем приходилось идти в магазин чуть ли не всей оравой.

Денег — в обрез. Иван работал один, Мария не работала — в совхозе есть детский сад, но туда принимали детей с возраста полтора года. Яслей для младших не было. Нужда же в яслях огромная: не одна Мария сидела дома с грудничком, бабы рожали как на заказ — выполняли постановление правительства, которое озабочено было восстановлением народа ещё в сорок четвёртом году. Рожали не только замужние, у некоторых вдов и девок вдруг пухли животы. В непорочное зачатие, естественно, в селе никто не верил, но и никто не мог достоверно сказать, от кого вдруг забрюхатела та или иная бабёнка.

Это не было только стремлением выполнить решение руководства страны и избавиться от необходимости платить налог «на бездетность». Не правительственное постановление толкало женщин рожать, несмотря на всё ещё очень трудные условия существования. Воля к жизни, к возмещению урона, нанесённого войной, к отнятому войной счастью материнства — вот главное, что стояло за стремлением молодых людей стать родителями. словно вся энергия любви, переплавленная огнём войны в ненависть, возродилась, вернулась теперь в деревни, посёлки и города, чтобы уже никогда больше не угаснуть, чтобы больше никогда народ не знал зла. Будто одна, всеобщая мать, имя которой — Родина, наставляла их: «Дети — это счастье, это любовь, это будущее каждого из вас, это залог прочности государства».

Вера же с Григорием, наоборот, дожидаться ребёночка никак не могли. Врачи сказали, что виновата жена, возможно, от надсады в девичестве, когда мешки тяжёлые таскать приходилось, когда ногу сломала. Ногу исправили, а что в организме сотворилось, кто знал? Но после обследования в областной больнице Веру обнадёжили, сказали, что надо разок-другой съездить на курорт, а там, глядишь, дело поправится.

Директор совхоза обратился в райисполком с просьбой выделить средства на

постройку яслей. Да и помещение детского садика было мало и требовало хотя бы ремонта. Приложили к заявлению смету, которую рассчитала Вера. Там обещали испросить разрешение в области, и не только на детский сад и ясли, но и о школе пора было думать: дети подрастут, не успеешь оглянуться.

И верно, нашлись у государства деньги, и стройка началась. Не прошло года, поставили и детский сад, и ясли, а старое деревянное здание детского сада отдали под жильё.

Старое помещение детсада поделили на две квартиры, в одну из них вселили конюха Ященко с женой и малолетним ребёнком. Витя пошёл в садик, Мария вышла на работу. Однако Ивану не удалось толком сделать ремонт своей половины в первую зиму. Из-под порога сеней тянуло стывшим воздухом, это стало понятно, когда пришли сильные морозы. Пришлось пожертвовать поношенной телогрейкой, прикрыть щелястое место, но это помогало мало. Летом Иван надеялся отремонтировать дом по-настоящему.

Анастасия была дома одна, когда пришла почтальонка. Она вынула из сумки письмо, отдала хозяйке и посоветовала:

— Вы бы ящичек для писем повесили, а то не будет дома никого, и куда вашу почту девать?

— Какая почта? — отмахнулась Анастасия. — Одно письмо от дочки за полгода получили, а больше никто нам не пишет.

Она взглянула на конверт, и что-то нехорошо ей вдруг стало: хоть читать она не умела, но помнила, каким красивым почерком писала её дочь. Буквочки одна к одной — словно бисер на ниточке. А тут — буквы крупные, с горошину, строчки неровные, нервненькие какие-то.

Мария пришла с работы и едва умылась, как мать протянула ей конверт.

— Не от Дуси ли письмо? А?

Мария взяла конверт, насторожилась: почерк не сестринский, обратного адреса нет. Только: «Сахалин» и роспись, вместо фамилии. Вскрыла Мария конверт, развернула листы — их было два, — глянула на первую строку, сказала матери:

— Пойдём, сядем.

Они сели к столу, Мария повернула лист к свету, начала читать:

— *Здравствуйте, Анастасия Яковлевна и ваши родные. Я соседка вашей дочери Раи. Должна сообщить вам плохую новость. Раи больше нет. Её убил Сергей из-за ревности. И сыночка её тоже убил.*

Мария задохнулась, прекратила чтение, с опаской поглядела на мать. Анастасия невидящим взглядом смотрела мимо Марии в окно, словно могла разглядеть сквозь тысячи километров, что произошло на Сахалине, и покачивала утвердительно головой, подтверждая: «Это должно было случиться».

— Читай, — шёпотом сказала дочери.

— *Он застрелил их...* — Мария прервала чтение, вытирая слёзы, пробежала глазами по строчкам дальше.

А дальше соседка безжалостно описывала, сколько раз выстрелил Сергей в жену, какие раны нанёс и как расстрелял трёхлетнего сынишку. «Этого читать маме нельзя». Мария пропустила описание расправы и зачитала матери, что был суд Сергею, присудили двадцать лет заключения в колонии строгого режима.

Вечером всей семьёй за столом помянули Дусю горькой. Иван Иванович только вздыхал, поминутно сворачивал самокрутку, выходил курить, возвращался к жене и повторял одну и ту же фразу:

— Да, мать. Да.

Володя и Толя сидели притихшие и, кажется, никак не могли взять в толк, что случилось. Представить сестру мёртвой не могли. Мария им письмо в руки не дала. Анастасия потребовала вновь:

— Читай.

Мария читала, снова пропуская самое страшное. Мать шевелила губами вслед словам из письма, впитывая их и запоминая.

Уходя на работу, Мария надёжно прятала письмо, чтобы ни родные, ни родственники не могли прочесть того, что она утаила от матери. Анастасия требовала чтения письма каждый вечер, хотя уже знала его наизусть.

Страшное известие скоро дошло до всех родственников и распространилось среди соседей.

— Стрелять таких извергов надо, — говорили о Сергее, осуждая решение правительства об отмене смертной казни.

Когда Иван узнал о том, что погибла племянница, то не мог уснуть всю ночь, днём ходил как зачумлённый. Память всё время возвращала его в тот день, когда Дуся с подбитым глазом пошла к Сергею, а потом они ушли, не оглядываясь, на вокзал. Иван тогда понимал, как и Анастасия, что щеголеватый молодой офицер — плохой человек, испорченный войной, и Дусе, ставшей Раей, жить с ним не следует. Понимать-то они понимали, а что могли сделать? «Что я должен был сделать тогда?» Этот вопрос Иван задавал себе, когда видел свою жену, задавал, когда к нему на колени взбирался сын. Иван прижимал Витю к себе, и мурашки бежали у него по спине: «Как можно убить собственного ребёнка?!»

Неясная мысль неотвязно преследовала Ивана о том, что война ломает психику человека, стирает грань между убийством врага и любым другим убийством. Даже собственной любимой, даже собственного сына.

Мария с тревогой наблюдала за мужем и однажды сказала ему, приложив его ладонь к своему животу:

— У нас будет маленькая, — она была уверена, что родится девочка.

— Давно?! — изумился Иван.

— Да уж скоро дрыгаться начнёт.

— И ты молчала?!

— Хотела убедиться, что всё в порядке.

Но радость и беда ходят друг за другом, как близнецы.

В декабре, когда Мария уже оформилась в декретный отпуск, заболел Витя. Был горячим, плакал и жаловался:

— Вава...

— Что болит, маленький мой, — спрашивала Мария, — где вава?

Малыш обеими ладошками сжимал голову. Днём прятался от света, ночью бредил.

Фельдшерица дала таблетки от жара, предположила:

— Голову, однако, застудили.

Спросила:

— Рвота есть?

— Да, но он не ест ничего.

Фельдшер сильно встревожилась:

— Беда! Как бы не менингит...

Иван и Мария про такую болезнь прежде не слышали.

— Что делать? — спрашивали фельдшерницу и смотрели на неё с надеждой.

— В город. Срочно везите в город.

В областной больнице диагноз подтвердили, но было поздно: спасти малыша не смогли.

Когда на могилке устанавливали крест с именем и с датами рождения и смерти, Марие стало плохо, начались схватки. Довезли её до дома, вызвали акушерку, но преждевременные роды погубили девочку.

Не успела пороша замести снегом могильный холмик Вити, как рядом появился другой, с маленьким крестом, на котором не было имени, стояла только одна дата — рождения и, одновременно, смерти.

Иван не помнил, как он оказался на конюшне и что тут делал. Он сидел на полу, под ногами у него валялась пустая бутылка. Прислонившись спиной к яслям, Иван тупо смотрел на стену, на крюке висели хомут и вожжи. Ни единой мысли не шевелилось в голове. Перед глазами — хомут и вожжи.

Мария нашла его здесь, села рядом. Так они сидели и молчали. И вдруг заржал конь — мощно, как в летнюю пору на лугу. Это был Саврасый. Иван очнулся, и Мария встрепенулась, и они почувствовали враз, что сидеть на полу холодно, что мороз на дворе, что проклятая жизнь не кончилась.

В январе тысяча девятьсот пятидесятого года вышел указ о применении смертной казни к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам.

По просьбам трудящихся внесли уточнение к указу сорок седьмого года, который смертную казнь отменял полностью.

Разговоров и слухов о том, что снова будут расстреливать за серьёзные преступления, было много. Самого же указа большинство людей не читали и потому делились своими впечатлениями с родными и соседями, делали разные предположения, каждый во что горазд.

Анастасия попросила Марию вновь прочитать ей письмо с Сахалина о том, что жизнь Дуси остановилась на далёком острове. Мария вначале отговаривалась тем, что не помнит, куда запрятала письмо, но мать смотрела на неё в упор и ждала. Хотя зачем ей это чтение? Она и так помнила его наизусть, как помнят люди до глубокой старости те стихи и басни, которые они заучили ещё в школьные годы. Память же Анастасии, чей ум не был подпорчен обучением, оставалась чистой и прочной. Но — «читай»!

Мария вышла в сени, достала листы письма, свёрнутые трубочкой и спрятанные под стрехой, вернулась к столу, за которым ждала мать. Теперь, после долгого перерыва, дочь опасалась нечаянно выговорить слово, которого она не зачитывала матери прежде, и нервничала. Но обошлось.

Анастасия, выслушав послание, задумалась.

— Он не попадает под расстрел по этому указу, — сказала Мария, — даже если б и попал, во второму разу не судят.

Анастасия ничего не произнесла на эти слова дочери, вздохнула и поднялась, чтобы готовить ужин своим мужикам, которые скоро придут домой голодные.

В конце мая того же года в семье Павла и Надежды случилось прибавление: опять родился мальчик, на этот раз не такой богатырь, как Валерий, но тоже до-

вильно крепкий. Назвали Колей, в честь брата Павла — Николая, тоже благополучно, с ногами и руками, вернувшегося с войны.

Весенние работы закончились, и Мария с Иваном выбрались в Кормиловку, чтобы навестить родственников, которые успешно ковали кадры для страны. Ничего не говоря друг другу, супруги Яценко втайне надеялись, что им, возможно, откроется что-то в жизни и делах Надежды и Павла такое, которое поможет им, несчастным, избежать новых напастей.

Тут им пришлось удивиться: Павел баню достроил, а домишко свой развалил. Пласты, из которых состояли стены, он сложил и утрамбовал в яму, а стены возвёл набивные. Берёзы на огороде, которые Надежда сохранила во время войны, теперь были спилены и послужили основным строительным материалом дома. Остались только отдельные кусты, скрывавшие от любопытных глаз, что есть на полянке.

На травке, что была под деревьями, располагалась под навесом вся семья, с периной, подушками и одеялами. Рядом — таган над кострищем, изрубленный на топливо хворост, посуда... Надежда, поглядывая на малышей, старшего здесь не было, помешивала над огнём в большой кастрюле. Павел тюкал топором в будущем доме.

— О! — сказал ему Иван, завидев эту картину. — Ещё одна партизанская группа объявилась. Здорово были! Берёзы-то срубил.

В душе у него вдруг растопился камень, который давил на сердце уже много месяцев.

— Ага, — вместо приветствия отозвался Павел, — как раз вовремя: матку поможешь мне укрепить. А то Надя коротышка, не знаешь, что поднимать, бревно или жену.

Она услышала, отозвалась:

— Сам ты перед Ваней кто? — она рада увидеть брата. — Подрасти бы тоже не мешало.

Было понятно, тут любовь и согласие.

— Жалко берёзки, — сказал, вздохнув, Павел, — да куда деваться? Опять воровать лес, как в прошлый раз на дрова, негоже. Богдановский объездчик осенью интересовался, откуда у меня во дворе берёзовые брёвна. Я торцы землёй намазал, чтобы непонятно было, когда срублены. Всё равно попадётся когда-нибудь, не посадят если, так оштрафуют.

— Столы и стулья Павел в предбанник унёс, — сообщила мимоходом Надежда, — мы по-цыгански.

Обедали здесь же, на полянке.

— Витя где? — поинтересовалась Мария.

— За хлебом пошёл, за белым, — пояснила Надежда. — Помощник наш. За чёрным я утром в пять очередь занимаю, а в восемь, когда привозят из пекарни, мы с ним вдвоём ходим. Одной булки нам мало, а две в одни руки не дают.

— У нас так же.

— Он и отцу помогает, — продолжала Надежда, — нет, чтобы с мальчишками побегать. Ну вот, заработал на белый хлеб. Дорогуший, да и силы в нём мало. Белый-то днём готовят, вот он и пошёл к пекарне. Пекут немного, в магазин не везут — в пекарне продают.

Потом, пока Надежда кормила грудью малыша, Мария мыла посуду и спросила, как бы между прочим:

— Думала, что ты мне погадаешь, а карт, наверное, нет?

— Что карты? — Надежда уложила Колю на одеяло под кустом. — Я тебе без карт скажу: — Не журись, родишь мальчишку, Ваню, да не одного.

Мария чуть не задохнулась:

— Правда?!

— Мне зачем врать? Ты не знаешь. Я ведь перед войной два раза неудачно рожала, оба мальчишки были, и оба умерли, третий только выжил. А теперь вот, — она поцеловала Колю, который, сытый, засопел, засыпая, посмотрела на Валерика, который пытался поймать кузнечика, — у нас уже три богатыря.

— Боже мой! Боже... Мы с Иваном, — Мария оглянулась в сторону дома, понизила голос, — уже боимся вместе спать.

Надежда засмеялась:

— Ага. Скажи ещё кому-нибудь.

Не сразу, не вдруг, но предсказание Надежды сбылось: спустя год Мария забеременела, а второго января пятьдесят второго года на свет явила мальчика.

— Будет Ваней, — сообщила мужу, — так мне Надя посоветовала.

Иван не спорил — в доме появился Иван Иванович.

Григорий подшучивал:

— Что ж ты, Мария, так оплошала, родила второго числа? Надо было сделать подарок Ивану на первое января.

У них с Верой, которая дважды побывала на курорте, раньше, в мае, наконец-то, родился мальчик, назвали Александром.

В первых числах марта радио стало сообщать, что заболел Сталин — страна напряглась: знать, не простой насморк у вождя, если про болезнь всему народу говорят.

В эти дни в дом Ивановых постоянно заглядывала соседка, старуха Волошиха. Чуть раньше, ещё до первого сообщения по радио, что Сталин заболел, Надежда сказала ей о странном явлении: упал со стены портрет вождя, который Павел вырезал из газеты и поместил в рамку, которую сам сделал. Висела рамка на гвоздики — и вот, поди ж ты! сорвалась ни с того ни с сего!

— Помрёт... — шёпотом догадалась Волошиха.

Обе оглянулись, хотя, кроме детей, в избе никого не было.

Волошиха же и сообщила Надежде, прибежав к ней в день смерти вождя:

— Умер!

— Правда?! — ахнула Надежда, радио у неё было выключено.

Витя с удивлением увидел в лице соседки не горе, а, скорее, восторг от такой потрясающей новости.

На следующий день он шёл в школу, и слёзы навёртывались ему на глаза: было страшно — Сталин умер, и теперь враги нападут на Советский Союз — как будем спасаться?!

Но прошёл день, прошла неделя и другая, а войну враги не объявили.

Тело Сталина положили в Мавзолей, рядом с Лениным.

Была объявлена амнистия заключённым: выпускали всех, у кого сроки наказания были меньше пяти лет, женщин с детьми и стариков старше пятидесяти пяти. Вышли на свободу и те, у кого сроки были большими, но почти всем оставшиеся сроки сократили вдвое, и многие вдруг оказались тоже отпущенными на волю.

Только политические не попали под амнистию.

Указ был подписан председателем Верховного Совета СССР Ворошиловым, но все в народе считали, да так и было, что это распорядился Берия.

Летом прошумела волна разоблачений, был арестован Лаврентий Берия, чья власть распространялась на все правоохранные и карательные структуры в стране, а теперь, казалось, он вот-вот станет главным в стране. И вдруг: «Берия, Берия вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков, а товарищ Ворошилов насадил его на шило...» Такие появились частушки, которые распевали даже школьники.

На работу в конюшню приняли Романа Валеева, который оказался в совхозе после амнистии.

Иван стал старшим конюхом вместо Ивана Прокопьевича, старик начал получать пенсию, но, главное, болен, едва ходил. Однако на конный двор продолжал навещать чуть не каждый день. Иван с Романом терпеливо выслушивали его советы и нравоучения.

За что судили Валеева, Иван не спрашивал, а тот не спешил похвалиться своими «подвигами». Известно только было, что «сидел» всю войну. Он черноволос, тёмным лицом, огромного роста, выше Ивана, легко справлялся с самыми тяжёлыми грузами, к лошадям относился бережно, претензий к нему по работе у Ивана не было.

Мария учла пожелание Григория и ровно через два года родила второго мальчика — аккурат первого января. То-то было радости и смеха, Григорий дразнил Ивана:

— Ставь бутылку, это я сказал твоей жене, чтобы сделала тебе новогодний подарок.

Накануне Рождества Мария с новорожденным вернулась из роддома. Она согласилась отпустить Ивана отметить рождественский праздник к его товарищу, с которым Иван учился в школе, а потом призывался в армию, но военные дороги их разошлись. Теперь же, встретившись нечаянно на продбазе, они обрадовались, что живы оба. Гордей — так звали друга — пригласил Ивана в гости, сообщив, что младшая сестра его, тоже знакомая Ивану, нашла, наконец, себе мужа, и они будут отмечать это событие.

С Иваном увязался ехать и Валеев. Роман сказал, что бывал раньше в той деревне и даже знаком с Гордеем. До Берёзовки, где проживал Гордей, Каурый неспешной рысцой доставил их за час.

Праздновали до полуночи, пили в честь Рождества, пили за молодых, даже — осторожно — за новую, свободную жизнь, пели, плясали. После очередного «горько!» Иван почувствовал, что нагрузился под завязку. Поздравил ещё раз молодых и поднялся уходить.

— Куда ж вы в такой мороз? — пытался остановить его Гордей, поддерживаемый всем шумным кругом. — Ночуйте, в хате места хватит.

— Нет, — не согласился Иван, — коней утром надо управлять.

— Утром и поедете, час делов-то.

— И жинка у меня только из роддома, — сказал Иван, — я ещё толком и пацана не разглядел.

— Ну, тогда на посошок, — Гордей налил полный стакан Ивану, посмотрел на Романа и налил полстакана ему тоже. — Давай, Ваня, за твоего мальчишку, чтобы большим вырос, как папа, был крепким и здоровым.

Пришлось выпить. На улицу он шёл нетвёрдой походкой, поддерживаемый с двух сторон хлебосольными хозяевами. В кошеву Ивану помог угнездиться Роман, укутал в овчинный тулуп. Отвязал вожжи, снял сосульки с морды коня и опустевшей торбы и развернул возок на дорогу. Потом сел рядом с Иваном, укрыл себе ноги де-рьюжкой и — поехали. Иван в уплывающем сознании успокоенно понял: «Домой...»

Он на некоторое время очнулся оттого, что сани перестало покачивать и потряхивать и послышались голоса. Открыл глаза. Луна, процеживаясь сквозь редкое сито облака, выскользнула из-за него. Снег заискрился вокруг, не только по полю, но и по лёгким крупичам снежной пыли, витающей в воздухе. «Праздник», — отметились в голове это сверкание, и он опять забылся. Но тут же толчок в бок заставил его открыть глаза.

— Что?!

— А-а! — это Валеев уселся в сани.

Иван вспомнил, что едет домой не один.

— Куда ходил?

— Коня накрыл шубой, мороз, — пояснил Валеев.

«Хорошо, молодец», — похвалил мысленно Иван и снова отключился, никакой мысли, откуда взялась ещё шуба, у него не возникло.

А «молодец» сотворил беду. Он несколько минут назад увидел, что навстречу им движутся сани, в упряжке небольшой мохноногий конёк, «монгол», а в санях горбилась баба, повязанная шалью. Шаль уже покрылась от дыхания куржаком. Роман остановил своего Каурого, заступил дорогу «монголу». Конь остановился. Женщина в испуге выпрямилась, замерла. Роман подошёл к ней, снял с колен потёртую шубу, которой она укрывала ноги, увидел торбу, приподнял — там был овёс. Намерился было идти к своим саням, но в хмельной голове явилась ещё одна затея. Он вернулся, пошарил рукой в соломе возле помертвевшей от страха женщины и обнаружил небольшой свёрток. Забрал и его. Шубу он накинул на спину своего Каурого, торбу и свёрток сунул в сено между собой и Иваном.

И разъехались.

Час на морозе почти протрезвил обоих. Когда Валеев распрягал коня, Иван спросил, выбираясь из саней:

— А это откуда? — повертел в руках свёрток в плотной рыжей бумаге.

Увидел, что Валеев снял с Каурого шубу:

— Что за шуба? Гордей дал?

— Понимаешь, — у Романа был вид побитой собаки, — там, по дороге, я у бабы взял... Встречь ехала. Ну, мороз-то вон какой. Прикрыл, значит, нашего коня.

— Как взял? Она дала? Силком? — стал догадываться Иван.

— Ну, не-е... Она не сопротивлялась.

— Твою... — Иван выругался, — грабёж, получается.

— Спрятать надо. Закопать.

В дальнем конце конюшни вырыли ямку — больше негде, на улице земля твёрдая, как бетон, — в неё положили шубу и свёрток, засыпали, подчистили, притрусили это место соломой.

Зимняя ночь длинна, ещё небо только-только заалело за Иртышом, как в дверь Ивановой квартиры раздался стук. Громкий — били, видно, ногой. Мария уже хлопотала у печи, окликнула Ивана:

— Ваня, ты спишь? Каку-то холеру по морозу носит.

Иван не спал, оделся под грохот двери, вышел открывать. Два милиционера в белых полушубках вошли в коридор, первый держал руку, без рукавицы, на растёгнутой кобуре. Иван догадался: «По мою душу. Быстро». Пригласил:

— Проходите в хату.

Закрывая входную дверь, увидел сани с конём близ крыльца и спешно уходящую от дома председательшу сельсовета. «Через неё дом нашли», — понял Иван.

Разговор был короткий: убедились, что фамилия Ивана — Яценко, и предложили ему собираться. Мария ничего понять не могла. На её недоумённый взгляд один из милиционеров посоветовал ей:

— Суши сухари.

Только на улице один из милиционеров спросил:

— Вещи спрятали? Где?

Иван развёл руками:

— Вы о чём?

— Не финти. Бабу ограбили — где её шуба и ситец?

Иван вздохнул, побожился:

— Ей-богу, не знаю. Ничего не помню, упился в гостях до смерти.

— Давай в сани, — от Ивана несло перегаром, и милиционеры, которые тоже не пропустили встречу Рождества, решили долго не канителиться. — На конюшню.

Валеев был уже там, руки связаны за спиной сыромятным ремнём, и, вдобавок, ремень охватывал один из столбов, подпиравших крышу. Поодаль, поглядывая то на громилу, то на ближнего коня, зяб ещё один страж порядка, щуплый, швыркающий носом. Караулил грабителя. Никакого оружия при нём не было. Сыромятный ремень Роман вряд ли мог порвать, но если б не сдался добровольно, тут бы привязан не был. При виде Ивана скривил рот и отвёл глаза.

То, что их так быстро нашли, не удивительно. Ограбленная женщина жила в Берёзовке. Она погнала свою лошадку и скоро въехала в деревню, где молодёжь ещё не спала. Девки гадали: с хохотом бросали свои валенки через небольшой домишко, чтобы узнать, в какой стороне живёт будущий жених — там, куда укажет носок обуви. Парни с хохотом тискали их, несмотря на мороз, терзали гармошку и пели полупохабные частушки. Найти дом, где могли выпить Иван с Романом, женщине труда не составило. Там она узнала их имена, позвонила из сельсовета в районную милицию, и вот для захвата грабителей из Русской Поляны прибыли лихие, в лёгком подпитии, охранители закона и народа.

— Где тут можно спрятать? — раздумчиво оглядел длинный ряд лошадей один из милиционеров, похоже, старший по званию. Пошёл неспешно по утопанному полу конюшни, внимательно всматриваясь в пустые ясли, глядя под ноги лошадям и самому себе.

Уже рассвело, и в дверные проёмы вместе с морозным воздухом лился незамутнённый рождественский свет. Второй милиционер кивнул Ивану:

— Давай следом.

Пошли. В дальнем конце конюшни, где Валеев ночью подмёл пол, затирая следы над ямой, и где натрусил соломки, старшой пригнулся, потом присел, рукавицей смахнул солому.

— А ну, лопату сюда!

Грунт в этом месте слегка выпирал, а внимательный глаз милиционера выискал и несколько крошек земли.

Ивана в этот момент прострелило: словно раскалённой спицей пронзило из-под правой груди — через сердце — до спины под левой лопаткой. Дыхание перехватило.

— Э-э! Ты чего, дядя? — конвоир увидел, как изменился в лице Иван, и понял, что тут не игра, а дело серьёзное.

Но не прошло минуты, как спица исчезла, Иван перевёл дух, шагнул в сторону и присел на солому.

Старшой глянул на него и приказал напарнику:

— Ведите того, пусть копает.

Валееву развязали руки, и он, кроткий, как телёнок, в минуту вскрыл свой тайник.

Потёртая шуба вызвала улыбку у стражей порядка, но, развернув бумагу, они увидели отрез ситца, ослепительно белого, как чистый рождественский снег, с синими яркими цветами, — такого нарядного, что милиционер вышел из конюшни, развернул материю, чтобы полюбоваться. И оба преступника вышли вслед и смотрели на это произведение искусства, будто забыли, чем им грозит этот праздничный подарок, который, видимо, мать купила, чтобы сшить платьице своей дочке.

Деревня Берёзовка относилась к территории Русско-Полянского района. Вот в СИЗО этого райцентра и доставили Ивана с Романом.

Следствие не затянулось, но суд состоялся не сразу: у судей было много работы, и адвоката, защитника, не вдруг определили двум деревенским конюхам, которых люди теперь называли бандитами.

Надежда оставила детей Павлу и поехала переживать за Ивана. К началу заседания суда опоздала, и когда зашла в зал — в большую комнату в одноэтажном деревянном здании, то не сразу нашла себе место. Народу набилось тут «под завязку». Только в самом конце помещения она нашла свободный стул, не занятый, очевидно, из-за того, что отсюда были видны только судья с прокурором и адвокат, средних лет усталая женщина, но не видны подсудимые. Где-то здесь, в зале, знала Надежда от Григория, были Вера и жена Ивана Мария, с грудничком. Несмотря на мороз, она взяла малыша с собой.

— Вы говорили, что вещи брал только большой мужчина. Так записано в ваших показаниях, — продолжала задавать вопросы пострадавшей адвокат. — Вы подтверждаете факт, что маленький не брал?

Только в этот момент Надежда обратила внимание, что сбоку от судейского стола стоит невысокая женщина с бледным лицом и с обветренными руками, теребящими край платка, наброшенного на плечи. Надежда чуть не ахнула: «Неужели это Иван грабил?» Она не видела Валеева, и в голову ей не пришло, что «маленький» — это Иван, а не второй конюх.

— Н-нет, — пострадавшая посмотрела в сторону прокурора, — маленький тоже, брали два, обои брали.

На своих грабителей она не взглянула ни разу, словно боялась, что её снова парализует тот страх, который она испытала, когда увидела перед собой огромного и чёрного лицом, заросшего, как Бармалей, бандита.

Иван почти не слушал, что говорят прокурор и адвокат, что поясняет суду женщина, которой выпало быть встреченной на ночной дороге пьяными мужиками. Он своё сказал, что не знает, как всё случилось, пьяный был и ничего не помнит, и доверяет тому, что говорит его товарищ, и тому, что скажет пострадавшая.

Он иногда взглядывал в зал, в третий ряд, где сидела Мария с грудничком, и тогда сердце его работало с перебоями.

Когда женщина сказала, «обои брали», он этим словам не внял, думал о том, какую трудную жизнь придётся вести жене, если его отправят в колонию. Накануне адвокат его утешала тем, что ему большой срок не грозит, так как грабил Валеев, а Иван виновен только в пособничестве — раз помогал прятать вещи, тогда как должен был сообщить в милицию о происшествии. Но суд дело подвёл под групповое ограбление да ещё и с отягчающими обстоятельствами — в пьяном виде. И когда судья огласил ему приговор: «Восемь лет и четыре месяца в колонии общего режима», он не понял: «Мне? За что?!»

Валееву присудили семь лет и десять месяцев — как младшему по должности, но к этому сроку припаяли два года, те, что ему скостили по амнистии.

Государство стало вновь «закручивать гайки»: не прошло года после смерти вождя, а каждый пятнадцатый, выпущенный на волю, не найдя себя на свободе, вновь совершил преступление.

Иван теперь думал не столько о несправедливости вынесенного ему наказания, как о том, что во всех его несчастьях, возможно, есть какая-то причина. Будто кто-то неведомый рулит его судьбой, тянет вожжи то в одну, то в другую сторону. Или это он сам что-то делает не так, а тот, неведомый, только наказывает его за грехи. Какие? Надо было бросить всё и поехать в разорённую войной Белоруссию, которая, как мать родная, сохранила ему жизнь? Помочь отстроить сожжённые посёлки и деревни? Найти там Марийку, если она жива? Или наказание ему за то, что здесь отказался от Маши и дочки? Или надо было бежать на вокзале за Бартевым, схватить его и сдать милиционерам? Ведь он живёт где-то и, возможно, нагадил не только ему, Ивану, написал в органы поклёп на честного человека, и того, не найдя веских оправданий, осудили. Расстреляли, может быть?

Припомнилось, Павел усомнился в существовании Господа, но позже сказал однажды: «Бога нет, но что-то есть, иначе бы мы здесь не сидели».

Недалеко от северной окраины Омска была деревня Захламино. Там начиналось строительство нефтеперерабатывающего завода. На большой территории, огороженной новым высоким забором, расположились бараки для заключённых, подсобной рабочей силы строителям. И забор, и бараки были сколочены из новых, отливающих янтарём, сосновых досок. Сюда и определили Ивана. Когда он вошёл в пахнущий свежим деревом барак, к нему, виляя бёдрами, подскочил невысокий молодой зек и протянул ладонь для приветствия:

— Здравствуй, дорогой! — он видел хромоту Ивана и был вежлив, как карманый вор в трамвае.

«Опущенный», — Иван не зря отсидел в СИЗО по ложному обвинению в измене родине и пособничестве фашистам. Он знал, что в уголовной среде есть своя иерархия, свои «законы», и если пожать руку тому, кто на самой низкой ступени, то это значит признать себя таким же изгоем. Быть шестёркой, исполнять все прихоти «законных» воров, спать у параша, и что ещё похуже. Это была провокация.

— Удавлю! — сказал негромко сквозь зубы Иван, и выполнил бы немедленно обещание, если б паршивец не отпрыгнул, как ошпаренный.

Злость и ненависть у него скопились на всех уголовников за время после оглашения приговора. Валеев мог сказать, что Иван не выходил грабить на дороге из саней, но не сказал, сделал вид, что тоже был без памяти, и согласен, что женщи-

на, получившая совет от прокурора или следователя, говорит правду. И себе ведь срок прибавил — за групповое ограбление гораздо суровее наказание в законе. Зачем? Носил в душе зависть или обиду: «Я сидел, а ты ещё нет»?

Хорошо, что Романа «тормознули» в тюрьме, не то неизвестно, как бы Иван тут с ним разобрался.

На нарах послышался одобрительный смешок, сидельцам «кино» понравилось. «Урки, сволочи, — подумал Иван, — ведь и я теперь вашей масти».

«Болтушки» — политические, кто сболтнул чего-нибудь лишнего против власти, — располагались в другом месте, понял Иван.

Свободных нар в просторном бараке было ещё много. Иван устроился чуть в стороне от входной двери, под небольшим зарешёченным окошком. Сюда падал дневной свет, и доски здесь упоительно пахли сосновой смолкой.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

После того как черновые работы по строительству нефтезавода были закончены, временный лагерь заключённых в Захламино ликвидировали. Большинство приговорённых к трудовому перевоспитанию оказались в Мариинске. Город сохранил с царских времён не только имя, данное ему в честь императрицы, супруги Александра Второго, Марии, но и его главное назначение — столицы золотодобычи в Сибири, хотя золото в окрестностях истощилось, и места отбывания наказания тех, кто не поладил с законом. Сиблаг.

Из заключения Иван вышел через шесть лет, в тысяча девятьсот шестидесятом году.

Совхоз Новоомский, который после войны был подобен дистрофику, освобождённому из фашистского концлагеря, теперь окреп, словно богатырь. Хозяйство расширилось, дома подросли и похорошели, вдоль улиц зелёные насаждения — деревья и кустарники, и, главное, люди не только внешне выглядели здоровыми и неплохо одетыми — в облике их появилось некое довольство и уверенность. Уверенность в самих себе, в надёжности настоящей жизни, в силе и могуществе страны, победившей военную разруху и полуголодные послевоенные годы.

Когда в космос взлетел Гагарин, народ сильно удивился — событие было ожидаемым, но никто не думал, что это случится так скоро. Ликовали все, как после победы в сорок пятом.

Через два года после возвращения из колонии у Марии с Иваном родился третий сын. Они поравнялись с Надеждой и Павлом, и обошли Веру с Григорием, у которых было только два сына. Подчиняясь каким-то неведомым законам, по всей стране женщины рожали значительно больше мальчиков, чем девочек, восстанавливая баланс, нарушенный войной. Только у Анны Яковлевны с Евгением Зинченко к тому времени родились три девочки, что дало повод Григорию беззлобно пошутить:

— До передовой ты, Женька, не доехал, а палец потерял. Без пальца одних девок только и будешь ковать.

У Петра Шувакина с Анной Васильевной и вовсе детей не оказалось, но тут шутить, насчёт того, что Пётр даже и пальца Гитлеру не отвёз, Григорий не стал.

В связи с двадцатилетием победы в Великой Отечественной войне бывшему партизану Ященко Ивану Яковлевичу была вручена юбилейная медаль. Первая и единственная.

Сердце Ивана остановилось в тысяча девятьсот семьдесят первом году, спустя тридцать лет с того июньского утра, когда он со своими товарищами был взят в плен.

— Изработалось сердце, — пояснили врачи убитым горем жене и сёстрам.

Горе и радость, как свет и тьма, неизбежно сменяют друг друга. В том же году старший сын Ивана Яковлевича, Иван, познакомился с прекрасной девушкой.

Ивана в армию не призвали. После окончания школы по комсомольской путёвке он оказался на авиазаводе в Омске, где стал работать слесарем. С авиазавода рабочих на срочную службу не брали.

В один из первых дней своей жизни в городе он решил добираться с работы на квартиру пешком. После окончания второй смены, выйдя за ворота, пошёл не на остановку автобуса, а в противоположную сторону. Там, он уже знал, было начало улицы Карлова, на которой в тридцать шестом доме он снимал комнату. Но, пройдя мимо двух небольших домов, он вдруг упёрся в тупик, в четырёхэтажку, которая перекрывала улицу. Под жестяным козырьком, висевшим на стене этого дома, горела лампочка, и Иван увидел, что вышел на улицу верно, но этот дом, номер четыре, почему-то загородил дорогу. Пошёл вправо — между высоких щелястых заборов, обошёл просевший в землю деревянный одноэтажный дом, свернул влево, надеясь выйти на свою улицу, потом вправо, ещё раз, вернулся назад и понял, что заблудился. Пошёл на свет фонаря и с изумлением обнаружил, что пришёл всё к тому же дому под номером четыре.

«Как в лесу, будто леший водит».

Спустя некоторое время, когда Иван вполне освоился с работой и смог без ущерба для дела наблюдать за тем, что происходит в цехе, он заметил — да и как было не заметить! — девушку, стилоскопистку, специалиста по проверке качества сварных швов, её имя было Елена Шрейдер. Однажды Иван осмелился предложить ей:

— Я провожу тебя домой?

Она едва заметно улыбнулась:

— Проводи.

Иван шёл рядом с Леной, не осознавая себя от волнения, не замечая дороги, и сильно удивился, когда они остановились у знакомого ему дома по улице Карлова номер четыре.

— Мы зачем сюда пришли?!

— Я здесь живу, — ответила Елена, — снимаю комнату.

Спустя год они поженились и решили — выходцы из деревни — расстаться с городом и заводом, а жить в селе Бологое, где родилась и училась в школе Елена и где трудились её родители, немцы, переселенцы с Поволжья.

Бологое — прекрасное село, в котором не только дороги были покрыты асфальтом, но даже все подъезды к ухоженным, как на картинке, домам. Немецкая аккуратность была видна во всём, хотя русских, татар и людей других национальностей в совхозе было больше.

Молодым дали небольшую однокомнатную квартиру и устроили работать в школу-интернат: Елену — воспитателем, а Ивана — учителем труда.

И опять он не попал на службу: сельских учителей от призыва в армию освобождали. Иван поступил на заочное отделение педагогического института, окончил его и работал в школе до выхода на пенсию.

Как положено по законам природы, у Елены с Иваном через год после свадьбы родился сын, Юрий, а ещё через два года родился второй мальчик, его назвали Виктором.

В мире, завоёванном ценой гибели миллионов людей, очень тепло и уютно жилось русскому хохлу Ивану и его жене, русской немке Елене.

Двадцать четвёртого апреля тысяча девятьсот восемьдесят шестого года в небольшой, на один лист, газетке Новосибирского Академгородка было напечатано несколько заметок, в том числе и о работе Чернобыльской атомной электростанции. Ничего удивительного в публикации не было, просто учёных интересовали и такие проблемы, как использование атомной энергии в мирных целях. На обратной стороне газетного листа среди текста читатели могли увидеть неизвестно для чего помещённый значок, символизирующий огонёк, — то ли зажжённой спички, то ли костра. Никакого отношения к тексту на этой странице знак не имел. Только те, кто догадался, спустя несколько дней после двадцать шестого апреля, посмотреть газету на просвет, увидели, что значок огня совмещается со словом Чернобыльская.

Двадцать шестого апреля на Чернобыльской АЭС произошла жуткая авария: случился взрыв, разворотивший четвёртый блок станции, при котором выброшенные в атмосферу радиоактивные вещества отравили воздух и землю на десятки километров вокруг. Возник пожар, при тушении которого пожарники получили смертельные дозы радиации и умерли, не прожив месяца. Эта трагедия потрясла народ Советского Союза и встревожила весь мир. Причину аварии установить не удалось до сих пор, хотя изначально официальная версия склонялась к тому, что ошиблись работники станции, проводившие плановый эксперимент.

Ещё не улеглась тревога в душах людей после Чернобыльской катастрофы, как случилась новая трагедия: тридцать первого августа того же года в Чёрном море сухогруз «Пётр Васев» протаранил большой круизный теплоход «Адмирал Нахимов». Это судно было построено в Германии ещё в тысяча девятьсот двадцать пятом году и называлось «Берлин». Во время войны «Берлин» служил немцам плавучим госпиталем, потом, подорвавшись на минах, затонул. После войны «Берлин» был поднят советскими водолазами, восстановлен и передан Советскому Союзу в счёт репараций. В начале июля 1989 года теплоход (теперь он назывался «Адмирал Нахимов») из-за ветхости был признан непригодным к эксплуатации, но в августе почему-то прогнивший теплоход отправили в очередной круиз. Капитан сухогруза Виктор Ткаченко утверждал на суде, что показания приборов гарантировали ему, что суда находятся на значительном расстоянии друг от друга, и не мог объяснить, почему он не видел, что впереди пассажирское судно. От удара в корпус «Адмирала Нахимова» образовалась пробоина восемь на десять метров, и теплоход затонул за несколько минут. Погибли более четырёхсот человек, тела некоторых пассажиров не были найдены.

Народ недоумевал: разгильдяйство тут виной или диверсия? Невдомёк им, что Третья мировая война без объявления, ползучей змеей, при содействии предателей, вторглась в пределы страны — дефицитами и катастрофами, что к власти в стране пришли шибздики и бартели.

Летом тысяча девятьсот восемьдесят девятого года группа учеников из школы села Бологое за отличную учёбу была награждена путёвками на отдых у моря.

Среди счастливичиков оказался и тринадцатилетний Витя Яценко. В ночь с третьего на четвёртое июня поезд «Новосибирск — Анапа» встретился с поездом «Анапа — Новосибирск» на перегоне Аша-Улу-Теляк. В это время взорвался газ, который накопился в котловине из разорванного газопровода. Взрывной волной снесло и искорёжило одиннадцать вагонов, все вагоны двух поездов выгорели, от пламени плавился металл. В посёлке Аша, за одиннадцать километров от взрыва, в некоторых домах взрывной волной выбило окна.

На месте катастрофы погибли двести пятьдесят восемь человек, триста семнадцать умерли в больницах. Ещё большее число пассажиров стали инвалидами.

Из тридцати школьников села Бологое в живых осталось четверо. Несколько десятков человек исчезли бесследно, словно они не ехали в этих поездах. Своего сына Витю Иван Иванович и Елена Эдуардовна не нашли ни среди живых, ни среди мёртвых. Сгорел он без остатка в адском пламени или его тело вознеслось вместе с душой на небо — неизвестно.

После того страшного дня, который унёс жизнь сына, Иван и Елена бывали на месте его гибели ежегодно, теперь, когда прошло много лет, они — пенсионеры, у воздвигнутого памятного монумента поминуют Витю и всех погибших раз в пять лет. Возраст и финансы не позволяют приезжать чаще.

Здесь, в тайге, есть остановочный пункт «1710 километр», где непременно делают остановку все электрички.

Эта катастрофа оказалась как нельзя кстати тем предателям и негодяям, которые стремились к свержению Советской власти и развалу страны.

Рядовой Иван Яценко, к счастью, — если это можно назвать счастьем — не дожил до смерти своего внука и не узнал, что Родина, которую он защищал, потеряла поражение в необъявленной войне и расколота на части.